

Катерина Пелевина

Разбуди меня в 4:30

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Катерина Пелевина

Разбуди меня в 4:30

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70560130

SelfPub; 2024

Аннотация

История безумной любви десятиклассницы Вероники и одиннадцатиклассника Максима, которых сломали обстоятельства. История внутренних изменений, человеческой зависти и подлости. История одной боли... Скулшутинг, который разрушил много судеб и не оставил шанса на будущее...

Катерина Пелевина

Разбуди меня в 4:30

Мне было семнадцать, когда моя жизнь разделилась на «до» и «после». Я училась в десятом классе и жила в Санкт-Петербурге. Обыкновенная жизнь обыкновенной школьницы, скажете вы и будете правы. Во всяком случае до того момента, как я встретила его, всё было действительно обыкновенно. Однако тогда всё казалось проще, чем сейчас, и я была другой. Во всех смыслах. Воспринимайте, как хотите, но в этой фразе непростой контекст. А какой именно, вы узнаете чуть позже...

– Не понимаю, чем тебе не нравится. Красивое ведь платье...

Это моя мама пытается убедить меня в том, что её вкус лучше моего. В мягкой форме, потому что иначе со мной не работает. Я слишком, как это говорится, строптивая. Но, в то же время, я прислушиваюсь. Ведь мы с мамой на «одной волне». Она старше меня всего на восемнадцать лет, ей тридцать пять, и она госслужащая в одном из органов исполнительной власти. У неё юридическое образование, и я хочу получить такое в скором времени. Я не отличница, но не глупая. Троек в аттестате у меня, скорее всего, не будет, что

уже немаловажно для поступления, ну и конечно ЕГЭ, которым меня все пугают, и от этих разговоров меня уже подташнивает.

– Нет, мам, я надену своё, ладно?

Приходится увилить, но дело в цвете. Ненавижу оранжевый. Кто вообще носит оранжевые платья? Я лучше надену толстовку и джинсы, хотя обычно предпочитаю одеваться консервативно.

Каждое утро я встаю в 6:30 утра, немного крашусь, хотя мама говорит, что моя естественная красота бросается в глаза. Отца у меня нет, точнее, он бросил маму, когда узнал, что она беременна, хоть и был на порядок старше, но испугался ответственности за молодую девочку, ведь она забеременела мной как раз в том же возрасте, что и я сейчас, по сути, ещё не окрепшей школьницей. Мама говорит, что внешне я похожа на него, но она ни разу не показывала мне его фотографии, и от этого мне порой становится тоскливо. У меня есть веснушки, я не очень высокая, но главной моей особенностью служат глаза и, как говорит моя подруга Мира, брови. Это немного странно, но я и сама это знаю. У меня гетерохромия. Один глаз карий, другой зелёный. Выглядит интересно, хоть в детстве я немного комплексовала из-за этого. Не поверите, какими дети бывают жестокими. Однако со временем я это переросла.

Наша школа в целом ничем не отличается от остальных, я учусь здесь уже три года, и в принципе всем довольна. Хо-

рошо, что мне удалось встретить человека, с которым я могу регулярно общаться. О ней я уже сказала, но на самом деле говорить можно бесконечно, потому что мы крепко дружим. Мира намного сильнее меня. По характеру, образу жизни. Я держусь за неё как за спасительную соломинку. Она с недавнего времени занимается хореографией, и я пытаюсь подстроиться под её плотный график, но так даже лучше. Я больше времени провожу за учебниками, иначе неизбежно скатилась бы вниз по учёбе, ведь довольно часто витаю в облаках. Вымышленный мир нравится мне гораздо больше настоящего.

Но сегодня Мира позвала меня на свой отчётный концерт, как раз поэтому я стою перед зеркалом уже полчаса и не могу привести себя в порядок. Надену красное...

– Ник, а это? – мама тянет мне аккуратное шифоновое платье цвета морской волны, и я мысленно возвращаюсь в тот самый день, когда купила его. Это было почти полгода назад, но я так ни разу его и не надела. Забросила в шкаф и забыла. Так глупо. Но вот и повод показать его Мирке.

Через полчаса целую маму и выхожу из квартиры в нём и туфлях на невысоком каблучке. Каштановые волосы выются до самой поясицы, но как только я оказываюсь на улице, меня окутывают мурашки. На улице сентябрь, мне казалось, будет тепло, но сегодня как назло всё небо затянуто, а я даже не удосужилась выглянуть в окно перед выходом. Хорошо, что за мной заехала тётя Миры – Наталья Александровна,

которая регулярно подвозит нас до школы, потому что именно в тот самый момент с неба начинает лить как из ведра.

– До концерта полчаса, ну надо же какой ливень, – удивляется тётя Наташа, рассматривая хмурые тучи. Я слышу звуки автомобильных дворников и снова проваливаюсь куда-то в свои мысли. Скоро экзамены, по-хорошему мне бы заняться подготовкой. Подумаю об этом завтра...

Когда её машина паркуется возле культурно-досугового центра я пробегаю мимо толпы ребят, что стоят возле входа и курят. Наталья Александровна плетётся сзади, пытаюсь открыть зонт, который, как назло, заклинило. Поскальзываюсь. Чёрт возьми. Обычно я не ругаюсь, но сегодня сильно нервничаю.

– Бл... – вылетает из моего рта, и я ощущаю, как чья-то рука подхватывает меня сбоку. Слава Богу, я остаюсь на ногах. И уже поворачиваю голову, чтобы поблагодарить тётю Наташу, ведь почти уверена, что это она сберегла меня от позорного падения у всех на виду, но вижу совсем не её. Карие глаза смотрят на меня из-под капюшона, пока я замираю. Такие красивые, что на секунду перестаю дышать.

– Аккуратнее, – говорит хриплый голос, вынуждая меня застыть на месте. Я уже где-то его видела, точно видела, только вот не помню где. Но поскольку не могу проронить ни слова, стою как истукан и смотрю на него, пока Наталья Александровна не подгоняет меня сзади.

– Идём, идём, Ника. Мы и так опаздываем.

Семеню за ней маленькими шагами и теряю нить с реальностью. Мира выглядывает из-за плотной шторы на сцене и машет нам, когда мы садимся в зале. Через минут десять гаснет свет, и нам представляют конкурсантов. Я слышу, как сзади ругается какая-то женщина. Голос знакомый, я поворачиваю голову и вижу Таисию Леонидовну – учителя русского языка из нашей школы, которая шипит на парней, что толпой заваливаются на задние кресла. Это одиннадцатый класс. Неужели их привели на концерт посмотреть представление? Как это тупо. Словно под прицелом. И главное, зачем? Наполняемость зала и без того высокая. Я оглядываюсь, изучая окружающих, и на секунду вновь застываю, когда вижу, что он смотрит на меня, вальяжно развалившись на соседнем кресле от Димки Перевалова. Его я знаю не понаслышке, ведь Мирка от него буквально тащится. А я даже не понимаю, что она в нём нашла. Тощий, высоченный и абсолютно аморальный. Да и парень слева не внушает доверия. Только вот я его не знаю. Совсем.

– Ника, ну ты где там, смотри, – зовёт меня спутница, и я отворачиваюсь. Впервые вижу такой навязчивый взгляд. Прожигающий во мне дыру. Я сижу спиной и всё равно чувствую, что он продолжает смотреть на меня. Моё платье слегка промокло и это вызывает дискомфорт, потому что непослушная ткань липнет к коже. Мне приходится собрать волосы и убрать их на одно плечо, чтобы хоть немного проветриться. И вот на сцену выходит Мирка. Я громко хлопаю

и практически взвизгиваю, пока она смеется. Наша дружба многим кажется странной, но я готова поддерживать её, даже если при этом выгляжу глупо. Так же как и она меня.

– Сними, пожалуйста, я сейчас, – передаёт мне в руки телефон её тётя, и я нацеливаю экран на подругу, дожидаясь, когда она вернётся. Наталья общается со многими мамами из нашей школы. Она активистка, в отличие от моей мамы, у которой не хватает на это времени. Ведь она растила меня одна и от того многое проходило мимо её глаз, пока она не покладая рук работала, чтобы прокормить семью. Я не из богатых слоёв общества. И, тем не менее, не чураюсь этого. Однако нашей семье далеко до столь тесного родительского общения.

– Твоя подруга? – слышу шёпот сзади, от которого у меня по всей спине бегут мурашки. Чёрт. Как же это пугает. Почему я так реагирую на его голос?

– Да, – вздрагиваю, но не подаю виду. Хотя сердце в этот момент стучит со скоростью света и ищет спасения в лице тёти Наташи. Зачем он вообще подсел сзади? Наверное, ему понравилась Мира. Не хочу общаться, хоть и не собираюсь быть грубой, всё-таки он спас меня от падения. – Понравилась?

Не знаю, зачем спросила это. Теперь чувствую себя ещё более неуверенно и уязвимо.

– Кхм, – слышу странное кряхтение и резко поворачиваю лицо, случайно оказавшись в десяти сантиметрах от него. –

Ты красивее.

Бесцеремонное, но приятное заключение. И вместе с тем, я почти уверена, что так девочек заманивают в капкан. Но я не собираюсь вестись на эти уловки. Буквально тут же отворачиваюсь. Мне это неинтересно.

– Ммм, – звучит недовольно из моего рта, пока он продолжает склоняться над моей шеей и дышать в неё. Это так близко, что меня трясёт, и кроме того, моя кожа открыта. Она ощущает его дыхание, отчего я жмусь к соседнему креслу подальше от него. Слышу смех, щекочущий нервы.

– Ладно, не лезу, – отвечает он и откидывается назад на спинку стула. Когда возвращается тётя Наташа, я стесняюсь оборачиваться. Делаю вид, что всё это совершенно меня не волнует. Я вижу его в первый и последний раз, с чего бы мне беспокоиться из-за этого?

Концерт длится около часа, я аплодирую и спускаюсь вниз, даже не посмотрев на своего нового знакомого. Но ноги мои впервые трясутся от чувства страха и предвкушения.

– Кто это там с тобой болтал? – спрашивает подружка, пока переодевается и улыбается во всю свою белоснежную улыбку. Не люблю одно – когда она начинает уличать меня в том, чего нет. Но сейчас ощущаю дрожь.

– Что? Да нет, тебе показалось, – отмахиваюсь, пока она хихикает.

– Ну-ну, тихушница, – звучит слегка обидно, хотя это так и есть. Мне семнадцать, а я ни разу не влюблялась. Ни разу

не целовалась и даже не думала о том, чтобы обращать внимание на парней из своей школы. – Пойдём. – Мира тащит меня к выходу и просит тётю отвезти нас к ней домой, потому что её родителей сегодня снова не будет до самой ночи.

Мы шушукаемся, пока тётя Наташа посмеивается над нами, и тут я снова вижу его на выходе. Стоит возле дорожущего Фольксвагена Туарега и снова курит. Так странно, он общается с Переваловым, откуда-то знает его, но выглядит старше. Или, может, так кажется.

Краем глаза наблюдаю, что он садится за руль, куда прыгают и остальные парни из нашей школы. И вдруг понимаю – не кажется. Скорее всего, восемнадцать ему точно есть. Не проходит и двух минут, как мы уезжаем оттуда, и Мирка начинает без усталости рассказывать о своём возлюбленном, который и внимания-то на неё не обращает. Но я стараюсь её поддерживать, потому что она крайне ранимая, если дело доходит до парней.

– Сели в какую-то тачку, видела? Вообще он конечно классный, но меня смущает, что с ним всё время вьётся Григорьева, – с досадой сообщает Мира, громко вздохнув, пока мы сидим на заднем сидении их машины.

– Но сегодня-то её не было. А он приехал. Чтобы посмотреть на тебя, – успокаиваю я её, и она расцветает на глазах.

– Серьёзно? Ты видела? – спрашивает писклявый сентиментальный тон, но потом она шлёпает меня по руке. – Конечно, нет, ведь сама флиртовала с каким-то парнем!

– Что?! Нет. Совсем нет! – отрицательно мотаю головой, стараясь скрыть выступивший на щеках румянец. – Как же ты меня бесишь!

– Ну, вооот, я же говорила, – смеётся она ещё громче, чем окончательно вгоняет меня в краску. – А если серьёзно, думаю, это тот новенький, о котором нам говорила Аня, помнишь?

– Нет, – честно отвечаю я. Ведь реально не помню подобных разговоров. – И что она говорила?

Звучит, конечно, убого, словно я реально интересуюсь парнем, который шепнул мне пару ласковых на ухо. Какой всё-таки стыд. Это у меня впервые. Да ещё и с такой подплёкой. Зелёные глаза Миры проделывают во мне дыру. Она как хищник, что заприметил добычу. Стоит раз поддаться, и ты уже у неё в пасти. В хорошем смысле, если можно так выразиться.

– Говорила, что какой-то парень переводится к нам в школу с сентября. Что он вынужден переезжать из-за службы отца. Он вроде как следователь или что-то такое, – Мира пожимает плечами в свойственной для неё манере. – Ещё говорила, что он красавчик, ну это я и так заметила. Как звать не знаю. Знаю только, что ему восемнадцать.

Пока она болтает, слышу звук уведомления и поспешно достаю телефон из сумки, думая, что это мама спрашивает, когда я буду дома, но вдруг вижу: «Макс Демидов хочет добавить Вас в друзья».

– Зато я знаю, как его звать, – говорю я, глядя на его аватарку. Его невозможно не узнать. Он и здесь отличился. Как он вообще нашёл меня? Очевидно, виной тому Димка Первалов.

Мира тут же залезает в моё пространство с любопытными глазами и загребущими руками отбирает у меня телефон, нажав на кнопку «Принять».

– Эй!?! Отдай! – вырываю я его, стыдливо глядя на экран. – Ну вот. Что ты наделала?!

– Девочки, сидите тихо, а, – встревожено говорит тётя Наташа, уже подъезжая к их дому.

– Зачем ты это сделала?! – возмущенно шепчу я, глядя на неё убийственным взглядом. Мирка, как всегда, хохочет. Ей смешно от моей реакции, смешно от тех протестов, что я иногда устраиваю, но для меня такие вещи действительно неприемлемы. Или же я хочу так думать.

«Тебе повезло, что я не выкрал тебя прямо из зала», – сообщение, что я вижу, выводит. Чешутся руки, странная реакция. Мира смотрит и улыбается.

– Это манипуляции, – объясняет она, когда я сворачиваю экран. – Он просто выводит тебя на контакт.

– Ммм... – отвечаю сдержанно. – То есть, он думает, что я поведу на это?

– Тебе решать, вестись или нет, но он пишет такое не просто так. Я знаю такой тип парней. По нему же сразу видно, что он мажористый. Скорее всего, это на один раз, – Мирка

вздыхает, глядя на свой подъезд. – Идём?

– Да, идём, – я выхожу из машины, и только тогда тётя Наташа говорит, что у неё небольшое дело, она подъедет позже, а это значит, что мы с Миркой останемся ненадолго одни. Алкоголь мы не любим, один раз обе перебрали с шампанским и с тех пор плюёмся от одного напоминания. Но зато начинаем дико беситься под музыку, если нам перепадает такая возможность. Как раз это мы и делаем. Почти полчаса вертимся у зеркала и строим друг другу рожицы под самые разные песни. Когда я устаю и плюхаюсь на её кожаное кресло, мой телефон снова жужжит. Рука непроизвольно тянется, чтобы взять его.

«Выйди на улицу», – приходит новое сообщение от него, и я нахмуренно смотрю на экран. В каком это ещё смысле?

«Что тебе нужно? Я не знаколюсь, ясно? Поищи кого-нибудь другого», – пишу с лёгким ощущением нервозности. Сказать, что этот парень задевает моё эго, значит, не сказать ничего. Только вот я не понимаю, почему.

«Мы уже знакомы. Я у тебя в друзьях. Выйди на улицу на пять минут».

Какой же настойчивый, наглый и ...

– Никааа! – слышу я откуда-то с улицы громкий крик.

– О, Господи, – Мира прикрывает ладонью раскрытый рот и бежит к окну. Она живёт на тринадцатом этаже Питерской новостройки и даже здесь мы услышали его вопли. – А он настырный...

– Что тебе, блин, нужно?! – кричу я вниз, глядя на то, как он стоит возле своей машины и улыбается. Вдобавок ко всему, он ещё и следил за нами. Просто прекрасно.

– Выйди! – звучит следом, пока я смотрю на подругу и краснею всё сильнее. С ума сойти, он совсем псих.

– Ну, выйди к нему, расскажешь потом, – шепчет Мира, глядя на меня, пока я отрицательно мотаю головой.

– Что я ему скажу? Зачем мне идти туда? Он ведёт себя, как ненормальный, – пугаюсь я, выглядывая вновь, пока он стоит и мокнет под дождём в ожидании того, что я спущусь. Господи. Что за сюр!?

– Может, ты просто ему так сильно понравилась, – предполагает она, но не без насмешки. – Просто спустись, чего тебе стоит?

– Не знаю. Всего? Я просто не хочу этого делать, мы с ним даже не друзья, – заявляю я, и слышу, что крики становятся только громче.

– Выйди, пока я не начал петь! – угрожает он снизу, и я выглядываю снова, растянув губы.

– У тебя кишка тонка, – смотрю я на него, скрестив руки на бортике лоджии, как вдруг слышу позорное:

– Ты – спелая клубника, мою любовь верни-ка!!! – практически басом на весь район. Мирка хохочет во всё горло, держась за живот, а у меня идёт пар из ушей.

– Всё, заткнись! Я сейчас спущусь, – ругаюсь я, вызвав на его лице дебильную ухмылку.

– А он молодец, – продолжает смеяться она, провожая меня из квартиры. Я беру с собой телефон и быстро топаю вниз по лестнице, даже никак не прокомментировав её слова. Я так зла, что готова прибить его. Угрозило же встретить такого на свою голову.

Когда выхожу, вновь попадаю под дождь, но я настолько зла, что целенаправленно иду в его сторону и обхожу машину, на которой он приехал, усаживаясь на пассажирское сидение. Максим улыбается и садится следом за мной. Он весь промок, но трясёт здесь почему-то только меня.

– Что ты там устроил? Чего тебе нужно? – с наездом выдаю я, глядя на его довольное промокшее лицо. Он снимает капюшон и издевательски медленно проводит пятерней по каштановым взъерошенным волосам, зачёсывая их назад. Красивый, как сам Дьявол, но мне нельзя думать об этом. Ведь я очень люблю фантазировать, а это чревато разбитым сердцем и тройками в аттестате.

Не успеваю я снова открыть рот, как он заводит машину и начинает ехать куда-то как сумасшедший. Я даже теряюсь от такого напора.

– Макс, ты чего творишь? Ненормальный? – спрашиваю я, пристёгиваясь на ходу. – Куда мы едем?

– Просто прокатимся, – отвечает он, как бы невзначай. «Просто прокатимся». А то, что у меня могут быть свои дела, его, кажется, вовсе не интересует.

– Я не могу просто кататься. Мне нужно забрать у подруги

сумку и скоро ехать домой. Меня мама ждёт, – говорю я, вызвав на его лице лишь ядовитую усмешку. – Максим, не знаю, что ты там себе надумал, но я не из тех, кто катается ночью с незнакомыми парнями. И не из тех, с кем как ты думаешь, тебе будет интересно.

– А из каких ты, Ника? – спрашивает он, заставив меня замолчать. Я и сама не знаю ответа на этот вопрос. – Потому что пока мне ясно только одно. Ты любыми способами пытаешься слинять. И не взяв тебя силой, я обречен на провал.

– Думаешь, всё можно взять силой? – интересуюсь я в бешенстве от его слов. – Думаешь, достаточно приехать на дорожной тачке и все резко захотят быть с тобой? Останови машину.

– Нет, – отвечает абсолютно грубо, посмотрев на меня. – С чего ты взяла, что я предлагаю тебе быть со мной? – кажется, его бровь поднялась так высоко, будто он стал героем мультипликационного фильма. – Я просто позвал тебя на улицу. Ты сама села в мою машину.

Вот ведь... Чёртов...

– Демидов, или как там тебя. Останови, – уже более грубо говорю я, отвернувшись к окну. Как же он раздражает. Особенно его улыбка. Особенно этот гонор. Особенно дурацкая ямочка на щеке!

– Да не злись ты. Скажи лучше, куда тебя подвезти. Где ты живёшь? – спрашивает он, и я мотаю головой.

– Нет, мне нужно обратно, там моя сумка, – повторяю

я, пока он останавливает машину посреди дороги и изучает мой грозный вид. Вокруг сигналят машины, а он всё смотрит и просто молчит. Его рука тянется к моему лицу, будто парализуя меня. Я даже не могу шелохнуться, наблюдая за ней. Большим пальцем он проводит прямо под моим левым глазом, пока я трясусь перед ним, как осиновый лист на ветру.

– У тебя тушь потекла, – говорит он совершенно спокойно, аккуратно стирая разводы и убирая прядку моих волос за ухо. – Я отвезу тебя обратно.

Кажется, мы оба нервничаем, или же это трюк такой. Его руки въедаются в руль, и через секунду мы уже мчим в сторону дома Миры, пока я вспоминаю тепло его кожи у себя на лице. Господи. Как же это странно и волнующе. За день весь мой мир перевернулся. Почему я думаю о нём в таком ключе? Меня вообще впервые касался парень.

Как только его машина останавливается на том самом месте, я пулей вылетаю оттуда, и слышу вслед:

– Увидимся в школе.

Звук мотора застрекает в ушах вместе с непрекращающимся ливнем, и он уезжает оттуда, не успеваю я зайти в подъезд. Я облакачиваюсь на дверь и ощущаю в носу запах его парфюма, нездоровое чувство страха обволакивает всё тело. И я понимаю, что боюсь не его самого и даже не его идиотского поведения, а того, что я к нему почувствовала.

Промокшая и испуганная звоню в домофон, после чего следую к квартире Миры. Естественно она сразу закидывает

меня кучей ненужных вопросов, но основным служит: «Что мы с ним делали?».

– Ничего, – отвечаю я, и слышу, что мне уже звонит мама. Это срочно, и нужно возвращаться домой, но тётки Наташи ещё нет.

– Чёрт, – ругаюсь я себе под нос. – Ладно, я вызову такси, хорошо, мам?

– Попроси его тебя довезти, он явно недалеко уехал, – предлагает мне Мира, отчего я недовольно растягиваю губы. Опять она со своими советами.

– Я уже тебя послушала, и он чуть не увёз меня, незнамо куда! – ругаюсь, глядя на неё с ноткой возмущения.

– Подруга... Ты так резко реагируешь, – улыбается она коварной улыбкой. От её слов я теряюсь. Сама не понимаю, что со мной. Это он так влияет на меня. Какой-то бред. Но Мира явно понимает, что он понравился мне. Хотя бы внешне, ибо я веду себя не как обычно.

– Извини. Не знаю, что со мной, – оправдываюсь, глядя в телефон.

Пытаюсь вызвать такси, но цена дико высокая, а до автобуса идти далеко. Неужели я сделаю это? Какой ужас.

«Можно попросить тебя довезти меня до дома? – пишу и стираю, раз за разом. – Ты далеко уехал?».

Нет, это идиотизм какой-то. Просить первого встречного парня отвезти тебя, да ещё и после...

«Ну, пиши уже, что хотела, недотрога», – приходит от

него, как будто он следил за нашим чатом и видел мои жалкие попытки сформулировать просьбу.

«Мне срочно нужно домой. Ты далеко уехал?», – выдавливаю из себя, и дело даже не в том, что стесняюсь или боюсь его. Дело в том, что не привыкла просить, не привыкла ездить с незнакомыми парнями и вообще до настоящего времени не испытывала ни к кому столь странных эмоций.

«Мило... Недалеко. Буду через пять минут», – отвечает он, и я невольно жмурюсь от чувства стыда.

– Он приедет, – сообщаю Мире, и та улыбается.

– Конечно, приедет... – цедит она, рассматривая меня, и поправляет мои растрепавшиеся волосы. – Ты понравилась ему. Очевидно, сильно.

– Ты же говорила, это на один раз? – спрашиваю я с недоверием, припоминая её предположения о нём.

– Говорила, – вздыхает подруга, сосредоточив свой взгляд на моих глазах. – Но это было до того, как он начал петь на весь район.

Вспоминая это, мы обе начинаем смеяться. Она приносит мне сумку, и я обнимаю её на прощание.

– Спасибо, что пришла на концерт, мне это важно, – Мира не хочет меня отпускать, но мой телефон зазывает меня вниз.

– До завтра.

Я закрываю дверь и бегу навстречу своему новому сумасшедшему знакомому. Только вот неизвестно, кто из нас бо-

лее безумен, я или он. Ведь все мы не те, за кого себя выдаём. Это человеческая двойственность, которую в обществе принято скрывать.

Когда спускаюсь его машина уже на парковке. Он ждёт меня внутри, я сажусь, пристёгиваюсь и бросаю на него свой взгляд.

– Улица Правды, 11, – сообщаю холодным тоном и боюсь, он ощущает себя таксистом в этот самый момент, потому что смотрит на меня в изумлении и закатывает глаза.

Максим молча забивает адрес в навигатор и везёт меня к дому. Не знаю, о чём с ним говорить и вообще чувствую себя ужасно. Мне снова звонит моя мама, и я беру трубку в замешательстве.

– Мам, я уже скоро, – спокойно сообщаю и вижу, что он поглядывает на меня. Сбрасываю трубку и смотрю на него в ответ.

– Ну, чего? Это правда, безвыходная ситуация. И я благодарна, что ты приехал, – заявляю я, но сама слышу свой тон. Я веду себя чересчур грубо и неприветливо.

– Ничего. Я ни слова тебе не сказал, – парень притормаживает возле моей арки, и я объясняю, как проехать дальше.

– Спасибо... И за спасение от падения.

Почему рядом с ним мой голос звучит так пискляво... Несмотря на мои предположения о нём, как раз он ведёт себя нормально. Это со мной что-то не так. Мало того, что я грубая, так меня ещё и трясёт как Каштанку, и, кажется,

ОН ВИДИТ ЭТО.

– Не за что, – звучит тембр, который буквально царапает мне внутренности. Разве может один человек так влиять на другого? Я становлюсь совсем не похожей на себя. Раздражительной. Но не из-за того, что мне некомфортно, а из-за того, что хочу вести себя иначе, только вот дебильные установки не позволяют мне этого.

Я тянусь к ручке двери и чувствую, что он обхватывает мой локоть своей ладонью, сжимая его так крепко, что я замираю, наблюдая за этим. Это уже слишком. Реально слишком.

– Не надо так со мной, – выдыхаю с небольшой агрессией, хоть возможно он и не хотел ничего плохого, но я не привыкла, что мои личные границы нарушают. – Если то, что ты подвёз меня, вызывает у тебя мысль, что тебе можно трогать меня, тогда я больше не хочу общаться, – говорю я, прежде чем он ослабляет хватку, и выхожу оттуда быстрее пули, поскорее скрывшись в своём подъезде. Он пытался что-то сказать, но я бы и не стала слушать после такой наглости.

Не успеваю зайти в квартиру как убираю его в чёрный список. С меня хватит. Одно странного дня вполне достаточно, чтобы понять, что в этой жизни важно, а что нет.

– Ну, наконец-то! – встречает меня мама на пороге, и я вижу какого-то мужчину. Такого я вообще не ожидала. Это буквально застаёт меня врасплох. – Ника, знакомься, это Павел Георгиевич. Наш заместитель.

Её тон звучит до тошноты сладко. Остаётся только поскрипеть зубами после такого знакомства.

– Здравствуйте, – выдаю я с видом мертвеца. Кажется, по мне видно, что я явно не ожидала, с какой целью сюда еду. Я понимаю, она молодая, и, наверное, ей нужен мужчина, но знакомство с дочерью должно проходить не так. Ей следовало хотя бы предупредить меня о том, что у неё кто-то есть.

– Здравствуй, Ника, – смотрит на меня мужчина лет сорока пяти. Явно старше мамы с морщинами на лбу и серыми как сегодняшнее небо глазами. Собственно, мне всё равно как он выглядит, главное, чтобы маме было хорошо с ним.

Я киваю и мне еле удаётся расслабиться. Вечер проходит в странной атмосфере, но зато я хотя бы понимаю, почему мне так срочно сказали приехать на ужин. Мы ещё немного болтаем с Павлом, и он оказывается вполне весёлым человеком. Мама всё время хохочет и кивает, чем напоминает мне игрушку – болванчик. В жизни она совсем другая. Мудрая, рассудительная, интересная, но сейчас ведёт себя как незнакомый мне человек. Я всё сильнее понимаю, что отношения – не моё. Там всё время нужно скрываться за масками, притворяться, а я не люблю этого.

Перед сном желаю Мире спокойной ночи и убираю телефон на зарядку, радуясь, что мой новый знакомый больше не сможет меня достать...

Наступает утро... Ненавижу утро. Мама, как всегда, будит

меня, но я отчаянно сопротивляюсь.

– Никааа, иначе сама поедешь, сегодня Наталья не сможет, – предупреждает она, пока я ворчу в подушку. Как же хочется остаться там. В своём сне. Мне каждый раз снится что-то интересное. Мои сны всегда очень живые, остаётся только проживать их и наслаждаться, пока меня жестоко не вернут в реальность.

– Всё... Встаю, – я открываю глаза и плетусь умываться, пока мама осуждающе смотрит на меня, ведь это ещё одно наше отличие. Она встаёт очень легко, как истинный жаворонок. Зато я... Я буквально возрождаюсь из пепла, как птица Феникс. Показательное зрелище. Сегодня у меня математика, и это ещё один повод поплакаться.

Я заплетаю высокий хвост, беру с собой сменку для физкультуры, а сама надеваю форму, ведь у нас в школе так заведено. Знаю, что Мирка как всегда опоздает, но её за это даже не ругают, потому что она танцует. Наверное, стоит тоже податься куда-нибудь. Будет повод прогуливать или хотя бы опаздывать.

Когда мама довозит меня, я, как всегда, в наушниках и практически не слышу её монолог о Павле, но она знает это.

– Эй, – вынимает она один и смотрит на меня тёплым взглядом. – Я, правда, надеюсь, вы подружитесь.

– Мам, – забираю я свою вещь из её рук. – Нам не обязательно дружить, но если тебе с ним хорошо, я принимаю это.

Она кивает и провожает меня взглядом. Наверное, мне

стоит быть с ней чуточку мягче...

В школьном коридоре, как всегда, полно народу. И, конечно же... Кого я вижу? Правильно. Всё сборище придурков, пляшущих вокруг новенького, скачущих как обезьяны, впрочем, как и Григорьеву со своей свитой, которая не устает обольщать парней своих обаянием. Выглядит дешево, но чего я ожидала от главной стервы нашей школы? Наши с ним взгляды встречаются, но я быстро увожу свой в пол. Он не здоровается, да и я не собираюсь. Держу в руках лямки рюкзака и размышляю о том, что лучше бы не знакомясь с ним никогда в своей жизни. Так мне хотя бы не приходилось бы краснеть у всех на виду.

Математика проходит нормально, на второй урок приползает и Мирка, мы много болтаем, шутим, и я закрываю тему, связанную с Демидовым, показывая, что внесла его в ч/с после непримиримых разногласий. Конечно, она возмущается, ругая меня, что я снова закрываюсь, но я действительно считаю, что так нужно было сделать. Ведь мы с ним разные и никогда бы не смогли дружить.

– Аверина, – заходит в кабинет наш зауч, и я теряюсь. Наверное, в этот момент на меня смотрят абсолютно все. – Живо в кабинет директора!

– Что случилось?! – слышу я вопрос Миры, но сама нахожусь в каком-то шоке от происходящего. Этого ещё не хватало. За все годы учёбы в этой школе меня ни разу не дёргали к директору. Пока иду, мысленно прокручиваю все возмож-

ные варианты. Может, это как-то связано с Олимпиадой? Но тогда почему такой тон?

Стоит мне оказаться там, как я вижу его затылок. Тот самый взъерошенный каштановый затылок. Что-то уже говорит мне о том, что это неспроста. Меня приглашают за соседний стул, и я неловко присаживаюсь рядом с ним, испуганно глядя директору в глаза.

– Видела творение у нас под окнами?! – спрашивает её рассерженный тон. – Полюбуйся.

В этот самый момент я обращаю внимание на Максима, он ведёт себя так, словно ему всё дозволено. Развалившись на стуле, жуёт жвачку, скрестив руки на груди, и рассматривает меня, ничуть не стесняясь своего поведения.

– Я не... – аккуратно встаю и иду к окну, выглядывая на улицу с третьего этажа.

«Аверина, извини», – гласит надпись на асфальте, и я улыбаюсь. Чёрт, совсем не вовремя меня посетила эта странная эмоция. Вряд ли эту краску будет так легко отмыть.

– Вам смешно, Вероника?! – спрашивает меня директор в бешенстве, на что я отрицательно мотаю головой.

– Отпустите её, она же ничего не делала. Это я, я уже сказал, – говорит Максим, закатывая глаза, и Зинаида Петровна смотрит на него стальным взглядом.

– Если Вы думаете, что из-за Вашего отца Вам удастся избежать наказания, то вынуждена Вас разочаровать. В прошлой школе Вас баловали, а в этой снисхождения не будет.

Эдуард Андреевич наоборот настаивает на суровом воспитании, – говорит она, и Максим тут же её перебивает.

– Я в нём и не сомневался, только она здесь причём? – спрашивает он, указывая на меня.

– Сказывается мне, что очень даже при чём! – заявляет директриса. – Останетесь после уроков и будете вместе это отмывать! Как хотите!

– Но... – пытаюсь я открыть рот, на что она недовольно указывает пальцем на дверь.

Остаётся только послушаться. И мы оба выходим оттуда, плечом к плечу, но я ощущаю, словно меня облили грязью, хоть и понимаю, что ничего не сделала, чтобы получить в ответ такую грубую реакцию.

– Извини, я не хотел. И насчёт вчерашнего тоже, – сообщает он, остановившись возле лестничного проёма. Странно, но, кажется, он один единственный парень из всех, которому реально идёт школьная форма. Хотя на нём нет ни пиджака, ни жилетки. Лишь белая рубашка с закатанными рукавами и чёрные брюки, но даже так он выглядит привлекательно. И снова мои мысли уносят меня куда-то не в ту сторону. Восемнадцать. Ему восемнадцать, и он совершенно неуправляем. Беги оттуда, Ника!

– Я принимаю твои извинения, но не думаю, что нам стоит пересекаться, – честно заявляю я, глядя куда угодно, только не в его карие глаза, которые сегодня отчего-то особенно привлекают меня. Ореховый оттенок сводит с ума, да вдобавок

эти чёрные вкрапления. Я вообще впервые вижу такой глубокий, пронизывающий взгляд, словно из самой преисподней. Я всё чаще думаю о нём вот так.

– Нам в любом случае придётся пересекаться, – улыбается он, демонстрируя свою сексуальную ямочку на щеке. – Ты же не думала, что оттирать это буду только я?

Сексуальную? Сексуальную, блин?! Слава Богу, я не ляпнула это вслух...Постойте-ка...Что?!

– Что?! Но это ты написал! – говорю я в полном недоумении. Ещё пять минут назад он был нормальным, и вдруг снова начал вести себя как конченный засранец.

– Из-за тебя. Ты толкнула меня в чёрный список, и у меня не было выбора, – заявляет надменный тон, отчего я окончательно психую. Мне хочется его ударить.

– Нет, ты совсем ненормальный. Что, блин, с тобой не так?! Как меня угораздило связаться с таким придурком! – растерянно говорю я и ощущаю, как резко он подходит ко мне, буквально припечатывая меня к стене на лестничной площадке прямо в школе. Это впервые, когда я чувствую кого-то так невыносимо близко, и мои непослушные ноги трясутся не то от страха, не то от влечения к нему. Неожиданно для себя я издаю жалкий неконтролируемый всхлип, но, кажется, это только вдохновляет его на новые действия в мой адрес. Моя челюсть стискивается, и я не могу пошевелиться, когда он касается моей щеки кончиком носа. Уму непостижимо. Его ладонь сжимает ткань моего пиджака в районе

талии. Сейчас идёт урок, и никого кроме нас в коридоре и в помине нет. Мне хочется кричать от того, как умело он манипулирует мной. Но я терплю и делаю вид, что это скорее страх, нежели желание. Пусть он лучше думает так. От его пряного аромата кружится голова или стены реально двигаются нам навстречу, потому что я ощущаю, что дышать становится сложнее, будто пространство давит на меня, но это всё он. Именно он так на меня влияет.

– У тебя что, никогда никого не было? – спрашивает он, загоняя меня этим вопросом в угол. Его глаза действительно умеют принуждать. Когда я смотрю в них, я нехотя отвечаю, хоть и безмолвно, лишь помотав головою. Он отстраняется от меня, и мне кажется, что какая-то нить между нами рвётся. Возможно, я не выгляжу как ребёнок, но это не значит, что я должна обязательно быть с кем-то. Это вообще не моё.

– Извини, – говорит он следом, и у него такое растерянное лицо, что мы оба проваливаемся в это странное взаимное притяжение друг к другу, которое оборачивается недоступностью и отторжением. Кажется, я действительно его напугала. Вот так мальчишки реагируют на невинность в наше время.

Мой Дьявол уходит, и я кое-как вбираю воздух в лёгкие, чтобы дышать полной грудью. Нет. Это ненормально. Так не бывает, и то, что между нами происходит, больше похоже на цирк. А я не хочу так. Пусть делает это с Григорьевой и её подружками, но не со мной.

Отряхиваясь от своих ощущений, словно от грязи, иду в сторону кабинета, из которого меня впервые с позором выдернули к директору и уже ненавижу сегодняшней день за такие унижения...

Время стремительно ускользает, а я мысленно откладываю момент, когда мы вновь встретимся, потому что дико этого боюсь. После уроков мы с Мирой проходим в том самом месте и понимаем, что он отгёр всё самостоятельно. Не знаю, чему я рада больше: тому, что не придётся трудиться или же что всё-таки не увижу его наглую морду. Но всё закончилось хорошо. Я надеюсь больше не контактировать с ним, потому что когда он рядом, я себе не принадлежу. И это мне не нравится. Пусть всё остаётся так, как было до знакомства с ним. Во всяком случае, так будет правильно.

Со временем я понимаю, что была права. Так как спустя месяц пока я хожу мимо их компании по коридору, с кем я только не вижу этого парня. Я потеряла им счёт уже давно. Сначала отчего-то мне было неприятно, но теперь просто всё равно. Я не знаю, почему вообще думала, что он нормальный, ведь он явно копия Перевалова, если не хуже. Мира плачет каждый день, а я просто учусь и не попадаюсь на глаза директору. Пожалуй, мне хватило того раза, теперь всё, о чём я думаю, это экзамены. Ну, кроме разве что Дня моего рождения, который будет через два дня.

Мама без усталости рассказывает об их отношениях с Пав-

лом, иногда он заходит в гости, но в целом всё по-прежнему, мы живём вдвоём.

На праздник мы с Мирой решаем впервые сходить в клуб и потанцевать. Я надеваю на себя голубое платье на тонких бретелях, закрывающее верхнюю часть бедра. Ну, а Мира... Мира хочет неприятностей, потому что выходит из дома в одном платье, а берет с собой совсем другое. Оно даже влезает в её маленькую сумочку, потому что по размерам больше напоминает майку. Я в шоке от происходящего, но переубеждать никого не собираюсь. Это её дело. В этот самый клуб ходят наши одноклассники, во всяком случае, девочки точно, они не раз говорили нам, что здесь легко пропускают без документов, и мы с Мирой повелись на это. Когда я наношу немного косметики, то выгляжу старше. Распушенные волосы ложатся до поясницы и на секунду мне кажется, что я выгляжу слишком доступной... Но так говорит моя неуверенность в себе.

Не знаю, как мама допускает это, но почему-то под чутким руководством тёти Наташи нас довозят до места и наказывают оставаться здесь до того момента, пока не надоест, а затем позвонить им. У нас есть деньги, и я заранее знаю, что это закончится ужасно, но Мира всё время тянет меня к барной стойке. Проклятый Перевалов. Пока я слушаю душещипательную историю о нём, Мира поглощает коктейли. Один за другим. Мы даже не успеваем нормально танцеваться, хотя я пришла сюда именно для этого. Не знала, что

люди ходят в клуб, чтобы напиться вусмерть, но, похоже, это так, ведь я всё время наблюдаю это со стороны. Здесь толпы народу, а жидкости, что они употребляют, хватило бы, чтобы напоить все страны Африки вместе взятые.

Это совсем не мой День Рождения, а Мирина исповедь, но я ведь не могу бросить её с такой раной на сердце. Она просит Димку приехать, и он всё время откладывает этот момент, говоря, что занят. И я теряю из-под контроля её состояние. Буквально через сорок минут она блюет в туалете, а я держу ей волосы, приговаривая, что так не может продолжаться.

– Чёрт возьми, Мира... Я же не могу отдать тебя в таком состоянии тёте Наташе, – нервничаю я, трясущимися руками подбирая вещи, что она роняет по пути к раковине. – Это кошмар. Дети ведут себя сдержаннее тебя.

– Не начи...най..., – икает она, проталкивая меня к двери, и мы выходим в прокуренный коридор, где отовсюду веет холодом. Какие-то парни нездорово пялятся на нас, и это отдаёт мурашками по коже. Я вижу, что они шепчутся и понимаю, что нужно скорее уходить отсюда. Но идти на улицу нельзя, как раз так и начинаются все некрологи. Мира шатается, и я тащу её обратно за столик.

– Сиди, – грубо говорю я, и достаю свой телефон. Видит Бог, я не хотела звонить родным, но собираюсь позвонить маме, пока рядом не оказывается один из тех самых парней, что стояли в курилке.

– Устали девчонки, давай подвезу, – настойчиво предлагает он, и пока я удерживаю Миру, а второй рукой ищу контакт матери, его ладонь бесцеремонно ложится на моё колено. Всё происходит так быстро, я в секунду обливаю его Мириным коктейлем, и он уже собирается ударить меня, как вдруг словно в сопливой мелодраме, откуда ни возьмись, рядом оказывается Максим. Это происходит совершенно спонтанно, я вижу, что там многие из их компании, в том числе и Григорьева с её подружками, но он закрывает меня от того парня, совершенно не испугавшись получить за это в морду. Мира спит на столе в невменяемом состоянии, а Макс выглядит так, словно готов убить и его, и меня прямо здесь и сейчас, отчего я даже немного пугаюсь. В компании Максима много парней, поэтому оппонент не решается что-то предпринимать.

– Ну, чё встал? Вали отсюда нахер, – говорит он сквозь громкую музыку, от которой у меня уже заложило уши. Он поворачивается ко мне, когда парень уходит прочь с недовольным лицом, а я даже не знаю, что ему сказать. – Капец ты дура, Аверина. – Наверное, вот этого я вообще не ожидала. Я даже не знаю, как реагировать.

– Спасибо, – ядовито отвечаю я, словно с сарказмом. – Но я не просила тебя помогать.

– Зато ты припёрлась сюда с голыми ногами и без малейшего понятия, что тебя могут увезти в неизвестном направлении, откуда твоя мамочка явно тебя не достанет, при всём,

блядь, желаний! – резко рывкает он, заставив меня обомлеть. Ауч! А это дико неприятно. – Собирайся, я увезу вас домой по очереди.

– Я не поеду с тобой, – отвечаю я, пока девушки из его компании смотрят на нас с неким недоумением в глазах. Скорее всего, они и понятия не имели, что мы с ним знакомы.

– Нет, поедешь, – настаивает он, стиснув зубы, и смотрит на меня так, будто я его злейший враг. Я вообще впервые вижу, чтобы он так смотрел на кого-то.

Я молча проглатываю ком и помогаю подруге встать, взяв в руки её сумку, после чего он, недолго думая, забрасывает Мирку к себе на руки и ведёт меня к своей машине, усаживая ту на заднее сидение.

– Пристегни её, чтобы не грохнулась, – твердит его стальной голос, и я слушаюсь, после чего сажусь на переднее пассажирское рядом с ним. Ещё никогда я не чувствовала себя более жалкой.

– Ты реально не понимаешь, что с такими как ты делают в таких местах, – отчитывает он меня, как маленькую, хотя я вообще впервые пришла в такое место. – Что ты вообще здесь делала?!

– У меня День Рождения, – отвечаю я, повысив голос, чем заставляю его замолчать. Неловкое молчание длится около нескольких минут, и он даже не смотрит в мою сторону, его взгляд сосредоточен на дороге.

– Ясно...Извини, – сдавленно говорит он, пока мы едем до дома Миры – Помочь тебе дотащить её до квартиры?

– Вообще я не знаю, как отдавать её в таком виде, – опускаю я глаза, отчего его брови поднимаются вверх.

– А что ты хочешь сделать? Есть варианты? – спрашивает он удивленно.

– Не знаю, я облажалась, – честно отвечаю я, понимая, что мне в любом случае влетит.

Он неоднозначно замолкает, будто обдумывает ситуацию, но потом всё же продолжает.

– Вы можете переночевать у меня, как только ей станет легче, отвезу вас по домам, – предлагает он, отчего я абсолютно теряюсь.

– Эм...А...А как же твои родители? Это не будет неудобно для них? – интересуюсь я, на что он вздыхает и чуть улыбается.

– Моя мама умерла, когда мне было десять. А отец...В общем...Вряд ли ты найдёшь его дома, – маска защиты. На его лице одно сплошное отрицание. Я смотрю на него, и мне неприятно это слышать, но отчего-то я решаю промолчать. Как бы там ни было, это не моё дело.

Я соглашаюсь, и он везёт нас в сторону своего дома. Не знаю, где живут такие богатые мальчики, но очень скоро понимаю, что огромные двухэтажные дома из фильмов – вовсе не сказки, ведь именно в такой мы и приезжаем. Автоматические ворота пропускают его машину, вокруг дома тянет-

ся огромная терраса, и, кажется, сзади я вижу даже бассейн. Чего здесь только нет. Видимо, его отец действительно большая шишка в следствии.

Максим заводит нас внутрь, пока Мира еле волочит ноги, повиснув на мне, словно тяжёлый груз. Я кое-как помогаю ей прилечь на диван и сажусь рядом, аккуратно снимая с неё туфли и укрывая пледом, который лежит в ногах.

– Будешь что-нибудь? Кофе? Какао? – спрашивает он, заставив меня улыбаться. Ещё никогда и никто не предлагал мне в гостях какао, но я люблю его с детства.

Я киваю и аккуратно слеую за ним на его кухню, рассматривая огромный дом. Внутри так много дерева, всё такое красивое, что я хочу касаться поверхностей руками, но это будет выглядеть странно, поэтому я еле сдерживаюсь, чтобы не провести кончиками пальцев по шероховатой деревянной стене на кухне. Почему-то мне дико нравится такой интерьер. А, может, у меня просто не в порядке с головой.

Через десять минут мы с ним сидим друг напротив друга при тусклом свете кухонной подсветки и пьём какао, разговаривая обо всём и ни о чём. Это странно, но я благодарна, что он снова спас меня. И пока Мира дрыхнет, я хотя бы не ощущаю себя конченной идиоткой.

– Мы не общались месяц, я уже забыл, как ты улыбаешься, – внезапно произносит он, и я сжимаю кружку крепче. Мало того, что это неожиданно, так ещё и сильно меня задевает.

– Не уверена, что ты вообще видел, как я улыбаюсь, – отвечаю я слегка удивленно. Снова не понимаю, что ему нужно, но он мотает головой.

– Нет... Видел... – он заворуженно смотрит на пенку в своём стакане, и я прекрасно осознаю, что чужая душа – потёмки. Максим Демидов больше чем всё это. Он не простой мальчик-эгоист, которым хочет казаться, но вынимать из него это я не собираюсь. Мне бы и самой научиться не прятаться за фальшивыми масками. – Значит..., ты Весы? – спрашивает он, снова взглянув на меня. Его глаза слегка покраснели.

– Да, – отвечаю, пожав плечами. – Но я не верю в гороскопы, если ты об этом.

– Да нет... я тоже не верю, – посмеивается он. – Тебе шестнадцать?

– Семнадцать, – говорю я, чем, похоже, вызываю у него искреннее удивление. Наверное, я веду себя как глупая девочка, но мне всё равно.

– Хочу спросить у тебя, чего бы ты хотела на День Рождения, но, кажется, все самые жуткие страхи уже сбылись, – говорит он, отставив кружку в сторону. – А хотя... погоди.

За считанные секунды Максим исчезает с кухни, и я остаюсь там одна. Иногда мне кажется, что я всё выдумываю. Наше с ним общение. Да и его самого в целом. Потому что он появляется в самых неожиданных местах, и почти всегда я таю от одного его взгляда.

Я слышу шаги и оборачиваюсь, глядя на то, как он несет мне коробку. Не знаю, зачем и что внутри, но замираю, когда он ставит её передо мной и довольно улыбается в ожидании моей реакции.

– Что это, – смотрю я на неё сбоку, и он закатывает глаза.

– Не узнаешь, пока не откроешь, Ника, – в его ответе столько язвительности, но, видимо, я надоела ему своими странными недоверчивыми вопросами. Аккуратно поднимаю вверх крышку и заглядываю внутрь, глядя на новый айфон в нетронутой коробке. Меня словно обливают ледяной водой. Обидно. Даже очень. Неужели он думал, я приму это? За кого он вообще меня принимает?

Я тут же закрываю её обратно и смотрю ему в глаза. Карие глаза, в которых сейчас столько недоумения.

– Мне это не нужно, если ты привык дарить это подружкам – оставь на потом. Авось и пригодится, – говорю я, встав из-за стола, и подхожу к раковине, чтобы помыть за собой кружку. Не знаю, обидела я его или удивила, но мне реально неприятно от таких подарков. Однако я ощущаю его сзади. Каждой клеткой своего тела, пока мою кружку. И вновь это обжигающее дыхание на моей шее. Я просто не в состоянии терпеть это.

– В кого ты такая вредина? – шепчет он, прижимаясь ещё ближе, и я резко разворачиваюсь в надежде оттолкнуть его или стукнуть по грудной клетке, а вместо этого растерянно смотрю на него, находясь в десяти сантиметрах от его губ. –

Ты всё время хочешь показать мне, какая ты важная. Какая ты недоступная.

Как только его пальцы касаются бретелей моего платья и опускают их вниз, я перестаю дышать и закрываю глаза, чувствуя, что вот-вот умру от переизбытка чувств прямо здесь и сейчас, но всё ещё стою как послушная статуэтка. Сердце бешено колотится, я даже слышу его монотонный гул в своих ушах, приоткрыв веки и наблюдая за тем, что он продолжает делать со мной.

– Но, может дело в другом? – его огромные руки ограничивают меня с обеих сторон, вцепившись в столешницу. – Я точно попаду в Ад за такие выходки. Его губы касаются моих ключиц, и я молю о пощаде выражением своего лица, пока живот ноет в предсмертных конвульсиях. Я даже не знала, что бывает так невыносимо больно и приятно одновременно. Почему я не могу его оттолкнуть? – Может... ты и сама хочешь этого? – шепчет он, переместив руки на мою талию. Я чувствую его ладони, они медленно скользят на мою поясницу, как чёртовы змеи, яд которых обездвигивает.

Его пухлые губы приближаются к моим, и я не знаю, куда бежать, да и хочу ли этого? Это притяжение совершенно невыносимо, и я сама начинаю целовать его. Робко и неумело, потому что даже не знаю, как это делать, но чувствую, как он направляет меня. По всему телу бегут мурашки, я хочу этого так, что начинаю бояться. Вкус какао отныне не ассоциируется с детством, сейчас я ощущаю его как нечто безум-

ное, страстное и взрывоопасное. Эта растерянность внутри меня сменяется чувством всепоглощающего желания. Желания обнять его, прижаться к нему, ощутить его горячую кожу своими ладонями. Я даже не замечаю, как они ложатся на его плечи, но знаю, что он ухмыляется этому. Наши сердца бьются в унисон, и я готова поспорить, что каждое движение его языка отдаёт мощным импульсом между моих ватных ног. Что это ещё, блин, такое?!

– Стой, стой... Стой, – шепчу я, отрываясь от него. Чувствую, как он сжимает ткань моего платья, которое задралось так высоко, что я стою перед ним с практически голыми бёдрами. Он смотрит на меня, смотрит так, словно готов сожрать. Чёрт возьми, ну почему он такой красивый? Особенно, когда хочет чего-то. Самоуверенность и сила, что от него исходят, пострашнее его эгоизма.

– Что? – он застывает, уткнувшись своим лбом в мой, и я смотрю на его губы, смотрю, как они двигаются и зазывают меня обратно. – Ника..., – даже моё имя из его уст звучит иначе. А то, как он на меня смотрит, сводит с ума ничуть не хуже любой моей фантазии. Это настоящая пытка!

– Не знаю, это неправильно, – отвечаю я, оторвавшись от него и отпрянув назад настолько, насколько физически это возможно, пока он всё ещё прижимает меня к себе за ткань моего платья.

– Ты ведь так не считаешь? Да? – его пальцы поднимаются выше и зарываются в мои волосы. Я ощущаю их на своём

затылке, по которому словно бегут мурашки от этого. Я уже чувствую, что не смогу остановиться, что если поцелуй продолжится, то приведёт нас к чему-то нехорошему, как вдруг.

– Какого чёрта?! – слышим мы сбоку, и оба тревожно поворачиваем туда головы. Перед нами стоит обомлевшая Мира, и её начинает тошнить прямо на пол, пока Максим всё ещё сжимает в кулак мои волосы и закатывает глаза.

– Твою мать..., – слышу я из его уст ругань, сама пребывая в шоке от того, что происходит, но тут же отбегаю от него и помогаю Мире встать, убирая с её лица прилипшие волосы. Боже, как же мне за неё стыдно.

– Я сейчас всё уберу, – говорю я встревожено, пока он морщится и уходит оттуда в ужасе. – Господи... Мира... Ну, как же так?!

– Извини меня, – шепчет она сквозь зубы, прикрывая свой рот.

– Всё нормально, мы всё уберём... Не волнуйся, – обещаю я ей и тотчас же тащу в ванную комнату, чтобы помочь умыться. Я отпаиваю её водой, пока из неё не выходит всё, что она выпила, и укладываю обратно на диван в гостиной, выключая там свет.

Мира снова засыпает, пока я убираю за ней весь тот кошмар, что она устроила у него на кухне. Это ужасно, но иначе я не могу. Да уж... Я бы должна быть в ужасе от своего Дня Рождения, но отчего-то у меня внутри всё трепещет, когда я думаю о том, что впервые поцеловалась именно в этот са-

мый день. И для меня немаловажно, с кем произошёл этот первый поцелуй. Пусть он невероятно меня раздражает, но он единственный, к кому я чувствую и что-то совершенно другое...

Я ищу его в доме и понимаю, что повсюду тишина, его куртки нет, и, накинув на себя свою, я выхожу на улицу, где он стоит на крыльце и курит, задумчиво глядя на серебристую луну в небе.

– Я всё убрала. Извини, – говорю я, сосредоточив на нём свой взгляд, в его глазах отражается свет фонарей, что горят на террасе, но он выглядит действительно несчастным. Каким-то абсолютно потерянным и одиноким.

– Ник, что тебе от меня надо? Серьёзно, – спрашивает он практически сердито, и я теряюсь, не понимая, что происходит.

– В каком это смысле? Ничего... Мне ничего от тебя не надо, – отвечаю честно, помотав головой. Он стоит в метре от меня, но я словно ощущаю своим телом его дрожь, которая не даёт мне сосредоточиться. Ему явно не холодно и не страшно, так что же это за эмоции? – Максим? Всё нормально?

Он отворачивается и потирает лицо ладонью. Не знаю, что это за реакция такая. Он раздражён или расстроен, но ему явно не нравится то, что между нами происходит.

– Я что-то сделала не так? – интересуюсь, потому что для меня этот поцелуй, очевидно, значил больше, нежели для

него. Ведь у меня это было впервые. Я вообще впервые кого-то к себе подпустила.

– Всё так, Ника, всё так, – вздыхает он и указывает взглядом на дом. – Заходи внутрь, здесь прохладно.

– Ладно, – соглашаюсь, следуя к двери, и снова чуть ли не падаю, позабыв про ступеньку у входа. Максим вновь подхватывает меня за локоть и качает своей головой.

– Какая же ты у меня неуклюжая, – смеётся он, пока я краснею от его слов. «Ты у меня» окончательно дурманит мой рассудок. Мы опять поддаёмся этому чувству взаимного притяжения. Его ладони сбрасывают с меня куртку, опускаются ниже, и я бесконечно убираю их со своей пятой точки, поднимая выше, пока он бесцеремонно лапает меня прямо в гардеробной. – Всё... Всё. Извини, я просто... Я больше так не буду, – шепчет он мне в губы, абсолютно замороженно на меня глядя. У меня даже создаётся впечатление, что наши эмоции на данном этапе совпадают.

– Я не могу дать тебе то, чего ты хочешь, Максим, – предупреждаю я с горечью во рту. – Я не готова на это.

– Я не торопил тебя, вообще ни слова не сказал, – заявляет он в изумлении. – Я это понимаю. Не дурак...

В его словах есть смысл, но вместе с тем, я не хочу казаться ему ни взбалмошной особой, ни монашкой. Я ведь и сама что-то чувствую к нему, правда, сама не знаю что.

– Переночуешь у меня? Со мной? – спрашивает он с чертовщинкой в глазах. – В моей комнате.

В этот самый момент я проваливаюсь куда-то в собственные фантазии. И боюсь этого, ведь я всё время думаю о нашем поцелуе.

– Но ты обещаешь...? – начинаю говорить я, и он тут же перебивает:

– Да, обещаю.

Я смиренно киваю, и он берёт меня за руку. Мы вместе идём в его комнату, я осматриваю её и застываю ровно в тот момент, когда он начинает раздеваться. Его небрежно растеленная постель, будто специально выглядит именно так. На столе пачками валяются презервативы. Кажется, он хотел привести сюда другую девушку, и меня неприятно передёргивает от увиденного. Пока он не оказывается передо мной в одних чёрных боксерах, я не произношу ни слова, потому что слишком занята своими эмоциями.

– Что это? – спрашиваю я, глядя на его внешний вид.

– Я всегда так сплю, – пожимает он плечами и залезает на кровать с довольным видом, зазывая меня круговым движением руки.

– Ну а я... так не сплю, – предупреждаю я, неловко стягивая вниз своё платье.

– Возьми мою футболку, – предлагает он, ткнув пальцем на свой компьютерный стул, куда до этого скинул снятую одежду.

Я смотрю туда и понимаю, что реально нужно переодеться. Максим не отрывает от меня своего хитрого взгляда, и

я прекрасно понимаю, что он издевается, но не сопротивляюсь, а покорно следую инструкции.

– Отвернись, – прошу я, расстегивая платье, но он и не думает отворачиваться. Однако, изощряясь, мне удаётся снять его, уже будучи одетой в его футболку. – Ты невыносим, ты в курсе?

– Немного, – ухмыляется он, когда я вешаю свой наряд на спинку стула и аккуратно ложусь с ним рядом, прикрываясь одеялом до самой шеи. – Эй, ну ты чего спряталась? – его лицо оказывается близ моего, не успеваю я ответить и возмутиться. Наглые руки быстро скидывают с меня покрывало, и я тут же возвращаю его назад, строя серьезный нахмуренный взгляд. – Ты серьёзно боишься? Думаешь, я буду делать что-то против твоей воли?

Парень немного отстраняется и громко вздыхает.

– Ник, если бы я хотел тебя трахнуть, я бы, пожалуй, так и сделал, – отвечает он, совершенно меня запутав. Теперь я думаю, что он не хочет меня. И я бы должна радоваться этому, но меня это почему-то обижает. И он это видит. – Прозвучало не так, как я хотел сказать. Дьявол..., – он смеётся в потолок и снова бросает на меня свой взгляд. – Если бы я не мог себя контролировать... Я это имел в виду.

– Ммм, – неоднозначно мычу я, переваривая его слова. Интересно, как я должна на них реагировать. – Почему ты... сегодня был там? Почему подошёл? Зачем спас от того парня?

– Ты серьёзно? – недоумевают он, глядя на меня. – Я думал, это очевидно... Ник, это бы даже слепой заметил.

– Значит, я совсем ничего не замечаю, – отвечаю я, заострив свой взгляд на его густых бровях, которые начинают хмуриться сразу, как только ему что-то не нравится. Он нервничает, и тут уже я чувствую себя победителем.

– Во-первых, тот урод со своей компашкой явно хотел вас изнасиловать, а, во-вторых... – Максим оказывается так близко, что наши носы соприкасаются. – Ты мне понравилась. Ещё тогда, при первой нашей встрече. Не могла же ты... не заметить этого.

Шёпот в мои губы заставляет меня закрыть глаза. Я бы никогда не подумала, что парни бывают таким привлекательными. Такое со мной впервые. Обычно я называю их придурками и благодарю Бога, что создал меня девушкой. А сейчас...

Сейчас я смотрю на изгибы его верхней губы и мне хочется впиться в неё своими зубами, что само по себе странно. Я еще никогда не ощущала себя зависимой от чьих-то слов, взгляда и поведения.

– Наверное, тебе многие нравятся. Я видела тебя как минимум с восемью девушками из нашей школы. А прошло всего полтора месяца, Максим, – приподнимаю я брови, пока он меняется в лице, находясь при этом в замешательстве.

– Так уж и с восемью? – издевается он, улыбаясь, чем ещё сильнее злит. И я буквально грудью чувствую, что ревную

его. Именно сейчас я действительно ревную его. – Их было явно больше десяти, – произносит он с дикой самоуверенностью, и я чувствую, что с меня хватит. В одно мгновение пытаюсь встать и уйти оттуда, но он возвращает меня обратно, придавливая к кровати своим телом, чем вызывает панику в моих глазах, ведь я ощущаю, что наше нижнее бельё соприкасается. Мои ноги разведены в стороны, и как бы я не старалась, сжать их обратно не получается, ведь он сверху меня. Практически на мне.

– Демидов, слезь с меня! – психую я, ёрзая под ним, но ощущаю себя маленькой бабочкой, что бьётся крыльями о грубое стекло. – Максим!

– Аверина, это шутка, блин, – смотрит он на меня и практически рычит. – Мне нравится, когда ты такая. Нравится, что ты ревнуешь меня.

– Только вот это нечестно, я живой человек. И так нельзя, – мои ноздри раздуваются от возмущения, и я буквально киплю от злости, пока не вижу, что его взгляд становится серьёзным.

– То, что ты меня с кем-то видела не говорит о том, что мне много кто нравится, – говорит он своим хриловатым голосом и имитирует движение снизу. Такое движение, от которого я ощущаю весь его...внушительный...Чёрт возьми. Из рта вырывается жалкий стон. Я что...действительно сделала это вслух?

– Чёрт, – шепчу я в его губы. – Слезь с меня!

Мне кажется я дышу так, словно меня загнали в угол. Мне хочется, чтобы он целовал меня или убрался к чёрту, это ли не любовь, как говорят нам книжки?

– Успокойся и... – я снова чувствую его поцелуй. Такой поцелуй, от которого внутри меня происходят взрывы. Руки уже не отталкивают его, а лишь наоборот, притягивают ближе, когда ноги норовят сойтись за его поясницей, чтобы он был так близко, как только возможно. Проклятие... Что со мной такое? Я сама не замечаю, как ладони касаются его головы, ещё сильнее растрепав непослушные волосы. Я забываюсь, и веду себя ужасно. Но, внезапно остановив меня, его радужки, покрытые томной поволокой, начинают яснеть.

– Всё... Аверина, блин..., – дышит он, глядя вниз. Мой живот совершенно голый под ним, а трусики сползли так низко, что я ощущаю это своими внутренностями. – Ты не помогаешь, – стонет он, уткнувшись лбом в подушку. – Лучше я оденусь, – твердит его жёсткий тон, и он поспешно сползает на край кровати, натягивая на себя какие-то треники, пока я вновь прячусь от него под покрывалом.

– Значит..., те девушки..., – спрашиваю я обреченно, и он впервые серьезен со мной.

– Те девушки – никто, – отвечает он, встав передо мной в полный рост. – Мышцы, что обрамляют всё его тело вообще нельзя назвать юношескими. Наверное, он занимается чем-то или вроде того. Можно ли считать это паранойей, если мне хочется это знать?

– Ты сказал...что твоего отца нельзя застать дома... – спрашиваю я, когда он подходит к окну и задумывается. Конечно, мне не стоит столь откровенно лезть к нему с расспросами, но если то, что я нравлюсь ему – правда, если я – особенная, значит, хоть что-то он мне расскажет. – Я помню, Мира сказала, что он следователь.

– Следователь, – хмыкнул он себе под нос. – Гондон он, а не следователь.

– Максим! – рявкаю я в ужасе от его слов. – Ты чего?!

– Ничего...Прости. Заместитель руководителя главного следственного управления – генерал-майор Демидов Эдуард Андреевич, – с насмешкой сообщает он, уставившись на собственное отражение в окне. – Не спрашивай...

– Да я и не...хотела...Просто, – мнусь я, пытаюсь подобрать слова. – Что с тобой происходит? Ты злишься, потому что вы с ним мало общаетесь?

– Нет, Ника...Я злюсь не из-за этого..., – Максим скрещивает руки и присаживается возле меня. – Ты просто не знаешь его. Возможно, твои родители не такие. Возможно, ты не знаешь, что такое осуждение и несоответствие ожиданиям...

– Максим, у меня только мама, отца нет и никогда не было. Так что я знаю даже больше, чем ты думаешь, – перебиваю я, нахмурившись. – Правда, моя мама другая.

– Извини, я не знал, – говорит он, немного растерявшись. – Давай мы просто поспим. Эта трагичность реально

зашкаливает.

Я знаю, что он прав. Тем более помню, что он сказал про свою маму. Она умерла, когда ему было десять. И если они с отцом не близки, вероятнее всего, тогда и закончилось его счастливое детство.

– Хорошо, – соглашаюсь я, дожидаясь, когда он ляжет обратно. Он совсем рядом, но на этот раз какой-то спокойный, даже несмотря на то, что его сердце колотится очень быстро. Тёплые руки обнимают меня, и я молчу, вслушиваясь в его ритм. Мы лежим так около десяти минут. Его ладонь на моём бедре, и я чувствую его дыхание своей шеей.

– От тебя реально пахнет клубникой, – слышу я перед тем, как он окончательно засыпает, и сама проваливаюсь в сладкий сон, думая о том, что ждёт меня завтра...

Первые лучи солнца освещают его комнату, когда я открываю заспанные глаза. Его руки всё ещё обнимают меня, и это странное чувство. Я думаю, что, скорее всего, мне здесь не место. Но вместе с тем... Тепло, что я ощущаю от его тела, так приятно греет душу. Я поворачиваю к нему голову и, мне кажется, он ещё красивее, когда спит. Странно, но мне хочется поцеловать его в щёку. Именно это я и делаю. А затем украдкой выползаю из его объятий, чтобы посмотреть, как там Мира.

Но когда прохожу мимо кухни, замечаю её фигуру. Она сидит за столом и высверливает во мне дыру своим взглядом,

скрестив на груди тонкие руки.

– Я уж думала, мне это приснилось, – издевательски произносит она, осматривая меня с ног до головы. – И в его футболке... Прекрасно...

– Это вообще не то, что ты подумала. Кроме того, это ты виновата, – говорю я, проходя мимо, чтобы взять телефон, а потом возвращаюсь назад, присаживаясь напротив. Одиннадцать пропущенных от мамы. Прекрасно. – Блин...

– Я уже позвонила им, – говорит Мирка как ни в чём не бывало. – Объяснила, что перебрала с алкоголем, и что мы переночевали у Аньки.

– И тебе это с рук сошло? – спрашиваю я в шоке от услышанного. С ума сойти. Подруга пожимает плечами и тарасится на меня без устали.

– Ну так... Что это? – спрашивает она, указывая на мой внешний вид. – Между вами... Я помню, что вы целовались.

– Это... Не знаю, – краснею я, вообще не представляя, как это объяснить. – Он мне нравится. Но... Всё слишком сложно.

– Напротив, подруга. Кажется, с вами обоими всё ясно. Вас друг к другу тянет, а вы бегаєте от своих чувств, как два кретина, – утверждает она, помешивая кофе. С каких пор она вообще пьёт кофе?

Мира смотрит на экран и морщится, прикладывая ладонь к своему лбу.

– Боже, почему ты не остановила меня, Ника?!... Перечи-

тываю в пятый раз и всё равно голова кругом, – взывает она, изучая вчерашнюю переписку с Переваловым.

– Я пыталась, но разве ты слушаешь?! – спрашиваю я, поймав её взгляд, который направлен в сторону моей шеи. – Что?

– Ничего, – хихикает она, прикрывая рот рукой, и я незамедлительно бросаюсь к зеркалу.

Чёрт возьми. Сердце в секунду колотится быстрее. Вся шея в его засосах, да ещё и в таких отчетливых. У меня всегда была светлая кожа, вот оно и дало о себе знать. На мне прекрасно смотрятся не только ежедневные синяки, но и следы его губ. Я в мгновение ощущаю, что мои щёки горят.

– Да успокойся, я буду нема, как рыба, – смеётся Мирка, допивая кофе. – А он богатенький буратино, да? Я открыла холодильник...

– Ты, что?! Мира! – смотрю я на неё искоса и не верю своим ушам.

– Ну, что? Я просто хотела поесть, так он весь завален едой, от начала до конца. И не чем-нибудь там, а какими-то омарами да лобстерами. Кажется, у них есть горничная или типа того, – цедит она с завистью. – Я сделала бутерброды. Вон на столе.

– Господи, Мира... Ну, это уже реально слишком. Нельзя шариться в чьём-то холодильнике без спроса, – заявляю я, нахмурившись, и вижу, как он спускается к нам, попутно надевая на себя футболку. У меня сразу же пересыхает в горле.

Я вообще не знаю, как себя теперь вести.

– Доброе утро, пьянь, – смотрит он на подругу, и она растягивает губы в язвительной улыбке.

– Твой дружок во всём виноват, – говорит она с наглостью, когда он берёт бутерброд и подходит к кофеварке. Мне даже кажется, я там реально лишняя.

– Он мне не друг, – отвечает Демидов и достаёт две кружки. Это заявление звучит из его уст так, словно ему реально не нравится никто в этой школе. Зачем тогда он с ними общается? Видимо, так и происходит. Сильные личности притягиваются.

– О, нет... Я не пью кофе, – отвечаю я, глядя на него, и он ухмыляется.

– Ладно... Чай? – спрашивает его довольный тон, и я соглашаюсь.

Мы сидим так около часа. Разговариваем, и он обещает отвезти нас по домам. Сегодня воскресенье, но не знаю, что меня ждёт, как мама отреагирует на мою выходку. Тем не менее, не стремлюсь уезжать от него. Мне бы действительно хотелось поговорить насчет вчерашнего. Ведь я не понимаю, как вести себя дальше. Мы с Миркой умываемся, приводим себя в человеческий вид и собираемся уезжать. Немного грустно, но вчерашний вечер показал мне какую-то другую его сторону. Не такую, какую я вижу при других людях. А, может, мне так кажется.

Мне везёт, ведь сначала мы увозим Миру, она прощается

с нами, ехидно ухмыляясь и глядя на Демидова.

– Обидишь её, и тебе крышка, – говорит она стальным тоном, шуточно изображая удушье, на что он делает такое лицо, будто видит перед собой сумасшедшую, но я смеюсь, глядя на неё.

– Пока! – машу я ей вслед, и он молча отъезжает оттуда. Я вижу, что ему также неудобно, как и мне. Или, может, он просто не был в отношениях?

Мы с ним ведём себя неестественно. Я не знаю, как спросить, а он, очевидно, не знает, как вести себя после вчерашнего, но нужно действовать, ведь ехать осталось не так далеко.

– Что теперь будет? – выжимаю из себя, прикусывая губу.

– В каком смысле? – удивляется Максим, озадаченно нахмурившись. Когда его брови выстраиваются в одну дугу, я теряюсь и забываю слова.

– Ну... Между нами... Ведь мы..., – я снова стесняюсь, надеясь, что он поймёт всё без слов.

– Мы...? – издевательски повторяет он, улыбаясь и глядя на дорогу.

– Ничего, забудь, – скрещиваю руки на груди, и смотрю в окно, заставив его громко рассмеяться.

– Аверина..., – моя фамилия из его уст звучит, как нечто осудительное. – Ты..., – он качает головой, притормаживая на ближайшей остановке, и пялится на меня с улыбкой. – Ты очень смешная.

Смешная? Смешная, блин?! И в чём же это...?

Я не спрашиваю этого, а просто озадаченно смотрю на него, пытаюсь понять, что это значит. Пока он не берёт меня за подбородок и не касается моих губ своими. Это рваный поцелуй. Одинокий, не такой глубокий, как вчера, но в то же время дающий понять, что то, что между нами было – по-настоящему.

– Я позвоню тебе, идёт? – спрашивает он, и я киваю, когда мы вновь отъезжаем отсюда и двигаемся в сторону моего дома.

Прощаться тяжелее, чем я думала, хоть я и знаю, что увижу его завтра в школе, но мне не хочется, чтобы этот день заканчивался.

– С Днём Рождения, Аверина. – говорит он искренне, заглядывая мне в глаза с некой теплотой. – Зря не приняла подарок.

Я качаю головой в ответ.

– Мне такое не нравится, – вылезая из его машины и тихо хлопаю дверью. – Спасибо.

– А что же тебе нравится? – он открывает окошко и выкрикивает мне в спину. Как всегда, громкоголосый и неумолимо самоуверенный.

Я оборачиваюсь и пожимаю плечами в сомнениях.

– Не знаю. Ты что-нибудь придумаешь, – улыбаюсь и вижу, как на его лице тоже появляется ухмылка. – Пока, Демидов.

– Пока, Аверина, – он дожидается, когда я зайду в подъезд и уезжает оттуда, а я иду домой, как на смертную казнь, думая, что мама точно оторвёт мне голову.

Звоню в звонок, но мне никто не открывает. Хм... Странно. Достаяю ключи и понимаю, что никого нет дома. В коридоре на тумбе записка от мамы.

«Уехала с Павлом загород. Не теряй, завтрак на плите. Мне звонила Мира, всё хорошо. Я не сержусь».

Так странно. Могла бы написать смс... Но меня радует тот факт, что мне не прилетело за ночную гулянку.

Я иду в свою комнату и плюхаюсь на кровать, вспоминая его поцелуи и вообще всё, что между нами происходило. Стыд окутывает с ног до головы. Но он какой-то приятный. Совершенно другой, словно эти воспоминания делают меня живой.

Чуть позже я сажусь за учебники и отвлекаюсь от безумия под названием «Демидов».

Весь день я жду от него весточки. Хотя бы одной. Но ни звонка, ни смс так и не приходит. Он даже был в сети час назад, а я вынула его из чёрного списка, но, тем не менее, он мне так и не написал. А это колет сердце. Почему-то меня дико это задевает.

Уже ближе к десяти вечера я слышу звуки салютов на улице. Не знаю, что заставляет меня выглянуть. Наверное, то, что сейчас не Новый год и не любой другой праздник, а там слышатся такие громкие выстрелы, что я неизбежно лезу в

окно.

Чёрт возьми! Вот ведь дурак...

Смотрю вниз, а там происходит настоящее представление. Демидов стоит с огромным букетом из роз. Я даже никогда такие не видела, их не меньше сотни точно. А рядом на асфальте располагаются десятки коробок с фейерверками. Довольные дети бегают вокруг и восторженно взвизгивают на каждый новый хлопок. Кажется, он устроил им настоящий праздник.

– Аверинаааа! – кричит он с довольной ухмылкой. – С Днём Рождения!

Я слышу это, и моё сердечко тает в грудной клетке. Неужели я реально в него влюбилась? Это чувство внутри слишком сильное, чтобы не обращать на него внимание. Да вдобавок то, что он для меня делает...Ещё никто не проявлял ко мне столько внимания.

– Спасибо! – выкрикиваю я сверху из открытого окна. – Я сейчас!

Быстрее пули чищу зубы, умываю лицо, наношу на губы свой любимый клубничный бальзам и брызгаю земляничный спрей на волосы. Не знаю, почему я так люблю эти ягоды, но он верно подметил, от меня пахнет именно этим. Либо он такой внимательный, либо не знаю...

Скажи мне кто-нибудь, что за пять минут можно собраться на свидание, если сильно этого хочешь, я бы не поверила, но уже набрасываю на себя куртку и бегу вниз, как идиотка,

даже не дождавшись лифта. Меня выдаёт дыхание. По мне видно, что я бежала, и поэтому он такой счастливый.

– Привет, – скромно встаю напротив, пока он не вручает мне букет, который я едва могу удержать. – Зачем так тратиться?

Я смотрю на них, и они прекрасны. Нежно-розовые, как раз такие, какие я люблю, и это странно.

– Да уж, Ника... Похоже, что тебя не баловали подарками, – качает он головой, открывая мне дверь автомобиля, а я смотрю на кучу коробок на улице и недовольно хмурюсь.

– Погоди, нет... Так дело не пойдёт. Надо убрать за собой, – говорю я и кладу цветы на переднее сидение, после чего начинаю собирать пустые коробки с фейерверками.

В этот момент его лицо ещё сильнее меняется. Я знала, что он избалованный и эгоистичный, но не настолько же.

– Ты невыносима, – стонет он, помогая мне. – На это есть дворники вообще-то, – с наглым видом говорит он, отчего я невольно суплюсь.

– Думаешь, дворники не люди? Спят и видят, когда ты бросаешь им мусор во дворе? – язвительно спрашиваю я, глядя на его машину. – Открой багажник.

– Что?! Ну уж нет, – скрещивает он руки на груди. Такой «бука», просто с ума сойти, но мне почему-то смешно.

– Да-да, открой багажник. Доедем до мусорки и выбросим это, – жалостливо смотрю я на него, после чего он оттаивает и всё же соглашается. Но всё же такой как он явно не привык

убирать за собой.

– Угораздило же... Господи, – ругается он себе под нос, заталкивая коробки внутрь своей идеально чистой машины.

– Не ворчи, – толкаю я его в плечо, помогая ему, и улыбаюсь.

– Всё! – отряхиваю руки, и мы оба садимся в машину. – Надеюсь, благотворительность на сегодня закончилась?! – спрашивает он, когда я беру свой букет и пристёгиваю ремень.

– А, куда мы? – заинтересованно смотрю на его ямочку на щеке.

– Сюрприиз, – растягивает он с удовольствием и смотрит на меня как акула на свою жертву. – Ты же сказала: «Что-нибудь придумаешь»...

– И что ты придумал..., – задумчиво произношу я. – Надеюсь, ничего криминального.

– За кого ты меня принимаешь, Аверина? – уточняет он, приподнимая бровь. – Я в жизни и мухи не обидел... Ну... почти, – на его лице появляется хитрая ухмылка, и он смотрит так, словно реально придумал что-то грандиозное.

– Ладно, Демидов... твоя взяла. Сюрприз так сюрприз, – смиренно произношу я, вопреки тому, что меня распирает от интереса. По пути мы останавливаемся, чтобы выбросить мусор, и он делает всё сам, пока я сижу внутри и наблюдаю за тем, как он ворчит. Почему-то мне смешно от этого. Он бывает забавным, как Гринч, что похитил Рождество или один

из гномов Белоснежки.

К одиннадцати мы с ним подъезжаем к аквапарку «Питер-лэнд», и я осторожно выхожу из машины.

– Погоди... В смысле? Он ведь закрыт, – говорю я, глядя на огромное здание, в котором я как-то праздновала своё пятнадцатилетие.

– Ну... может для тебя и закрыт, – улыбается он, схватив меня за руку и тащит внутрь мимо охранника, с которым здороваюсь.

– Лёнь, эт мы, – съедает он буквы, и я наблюдаю за тем, как мужчина машет ему, никак не реагируя на то, что мы с ним проходим внутрь.

– Стой... Как ты это сделал? Как часто ты здесь бываешь? – удивленно спрашиваю я шёпотом, но он смеётся, а затем мы входим в огромный зал, где погашен свет и горят лишь огромные светодиодные фонари, создавая романтическую атмосферу. Я никогда не была здесь после восьми вечера... Это так... красиво. И необыкновенно. Словно в сказке. А ещё мы здесь вдвоём.

– Я почти не бываю здесь, я переехал из Саратова, ты забыла? Но тут знают моего отца, – сообщает он, отчего я расстраиваюсь. Откуда бы мне это помнить?

– Я не знала, откуда ты приехал. Ты ничего о себе не рассказывал, – говорю я насупившись, и вижу, что он раздевается. Прямо возле края бассейна.

– Поплаваешь со мной? И я всё расскажу, идёт? – спраши-

вает он, на что я растерянно замолкаю. На мне даже нет лифчика. Я выбежала в одной белой футболке. Куртке и джинсах. Но перспектива узнать его ближе как-то нездорово подталкивает меня на безумства. Правда я боюсь представить, что будет, когда моя белая футболка намокнет. У меня третий размер груди, я далеко не бесформенная девушка, скорее наоборот. Я худая, но, как это говорится, с приданым.

– Не боишься? – спрашиваю я, снимая с себя джинсы. – Я предупреждаю, Демидов, держи себя в трусах, идёт? – естественно, я издеваюсь.

На самом деле я очень нервничаю, но веду себя так, словно ничего не боюсь. Остаюсь в одной футболке, под которой виднеются нежно-розовые слипы. Я честно даже не думала, что придётся раздеваться, но вот стою перед ним в таком виде и, не задумываясь, плюхаюсь в прохладную воду со всего разбега. Я это буквально обожаю. Как я и думала, футболка тут же облепляет моё тело. Он смеётся и делает то же самое, подплывая ко мне. И вот в этот самый момент мне совсем не до смеха. Моё тело покрыто мурашками, грудь сразу же приобретает соответствующую форму, отчего сквозь мокрую белую ткань и он, и я видим отчетливое натяжение спереди.

– Ты издеваешься? – спрашивает он, даже боясь ко мне прикоснуться.

– Ты сам вытянул меня сюда. Я предупреждала, – отвечаю я, ещё раз посмотрев на себя сверху вниз. Да...выглядит же-

стоко. И стыдно. Я в мгновение краснею. – Наверное, мне не стоило...

Я чувствую, как он прижимает меня к себе прямо в воде и обхватываю его своими трясущимися ногами. Его руки точно хотят дотронуться до меня. Я это чувствую. Там. Между его ног. Он дышит так громко и горячо, что его дыхание обжигает.

– Я просто хотел тебя удивить, – шепчет он, прижимая меня к стенке бассейна, пока я держу руки на его плечах и смотрю на капельки воды на его лице, что так красиво стекают с его взъерошенных волос.

– Кого ты обманываешь, Демидов? – мой взгляд сменяется, и я смотрю на него исподлобья. Мои губы дрожат. Я полностью в его власти на данный момент, хоть и могу уплыть отсюда, но не собираюсь этого делать. Уж слишком мне это нравится.

– Наверное, нас обоих, – отвечает он, чем вызывает у меня улыбку. Хитрый манипулятор. Я даже не знаю, что между нами происходит. Не понимаю его поведения.

– Я ждала твоего сообщения сегодня. Признаться честно, я почти расстроилась, когда не получила его, – говорю я растерянно, пока он обнимает меня в воде.

– Я весь день хотел сделать сюрприз. Пришлось даже узнавать у твоей Мирки про цветы, которые ты любишь, – улыбается он, и тут я всё понимаю. Вот как он узнал. А я то думала, это совпадение.

– Ты ведь не собираешься делать мне больно? Верно? – спрашиваю я, сжимая кожу на его плечах. Сама не знаю, почему. Нервничаю и пропадаю, глядя в его карие глаза. Всё происходит слишком быстро. Сама не понимаю, как всё сильнее прикипаю к нему.

– Нет, не собираюсь, – отвечает он, рассматривая мои. И ведь он ни разу не сказал, что это странно, что они разные. Он вообще не спросил ничего такого. Это уже произвело на меня определенное впечатление. – Ты реально очень красивая, – шепчет он с таким выражением лица, словно это самое серьезное, что он говорил в своей жизни. Боюсь представить, сколько раз он это говорил и сколько у него было девушек. В такие моменты я думаю, что он вырвет мне сердце.

– Ты... действуюешь на меня..., – осипшим голосом говорю я, рассматривая его скулы, а затем и губы, которые сводят меня с ума. – Странно...

– Ничего странного, – отвечает он, чуть опуская руки на мою задницу. В воде это чувствуется не так ярко, как у него дома, поэтому я позволяю делать это. – Ты действуюешь на меня также.

– Завтра я приду в школу, и ты даже не здороваешься со мной, – дрожащим голосом говорю я, отчего он удивляется.

– Хм..., – смотрит он на меня осуждающе. – Такого ты обо мне мнения?

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – Я боюсь этого. И ты ничего так и не сказал.

– А что я должен сказать? – спрашивает он, не отрывая от меня вдумчивый взгляд. – Я сказал, что ты красивая. Сказал, что нравишься мне. Сказал, что другие девушки для меня никто. Поправь меня, но это ты ещё ничего не сказала... Вообще ничего. Я даже не знаю, зачем ты проводишь со мной время.

А слышать это неожиданно... Странно... Быть может, я веду себя так, словно мне все обязаны? Будто я лучше его?

– Я боюсь, что завтра, когда я приду в школу, ты снова будешь в компании очередной легкодоступной девицы... Я пройду мимо, ты не поздороваяешься, и мы месяц не будем разговаривать, потому что каждый из нас хочет чего-то другого, – хмурюсь я, глядя на него и чувствую, что мои глаза слезятся. Чёрт возьми. Вот это откровение...

– Хм..., – вновь задумчиво выдаёт он. – Значит, ты не хочешь быть моей девушкой? – спрашивает, сильнее натягивая ткань моих и без того небольших трусиков. Я буквально чувствую, как они сильнее въедаются в кожу, оголяя мои ягодицы.

«Быть моей девушкой»... Наверное, сейчас на моём лице появляется идиотская улыбка. Пожалуй, этого я хочу сильнее чего-то другого... И начинаю тяжело дышать, когда ощущаю, что он всё сильнее вдавликает меня в этот проклятый бортик своим телом.

– Хочу, – выдаю я небеспристрастно. Потому что погружена в него от и до. Я смотрю на его губы и совершенно таю,

пока они говорят мне что-то. Не слышу... Или не воспринимаю смысла слов. Какой же он красивый...

Закрываю глаза, когда он обхватывает мои волосы, заставив запрокинуть назад голову, и целует мою шею, вынуждая всхлипывать на всё помещение эхом. Мои брови давно выстроились домиком, а ресницы дрожат от каждого его касания. Чёрт возьми... Почему это так приятно, я забываю слова, когда он делает это со мной, и внезапно его ладонь всё же ложится на мою грудь. Я так и знала, что он не вытерпит. Оказывается, когда тебя трогает кто-то другой, это совершенно выбивает тебя из колеи. Приоткрываю рот от всепоглощающего чувства доверия. Я позволяю ему трогать себя, потому что доверяю и потому что мне, по какой-то причине, хочется этого ничуть не меньше его.

– Господи..., – облизывает он мои ключицы и глухо стонет, отчего между моих рёбер будто что-то тикает. – Аверина..., – вновь слышу свою фамилию, касаясь кончиками пальцев его обнаженного торса. – Я сейчас реально не вытерплю...

– И? – спрашиваю я, уткнувшись в него своим лбом.

– И трахну тебя прямо здесь, – утверждает он, отчего я невольно смеюсь.

– Нет, ты этого не сделаешь, – говорю я, ехидно глядя на его недовольное лицо.

– Садистка, – слышу я в ответ, и он отплывает от меня, заставляя невольно посмотреть ему вслед. Даже то, как он плы-

вёт, вызывает интерес. Размах его рук, напряженные мышцы на спине. На это реально приятно смотреть, хотя я и стараюсь отвлекаться. Впервые в жизни я отдыхаю так, как мне хочется. Словно раньше мне всё время чего-то не хватало.

Мы плаваем около часа, то скатываясь с горок, то просто обрызгивая друг друга водой, а после... После я выжимаю свою футболку, пытаюсь скрыться от его хищных глаз, ведь он смотрит так, словно мы уже занялись любовью прямо здесь.

– Да возьми ты уже мою, – говорит он, словно специально, выглядывая из воды с хитрым лицом. Его подбородок лежит на скрещенных руках, а глаза смотрят так, словно ждут этого представления.

– Здесь, скорее всего, камеры, – стеснительно говорю я, чем вызываю у него улыбку.

– Я знаю, где их нет, – смотрит он вниз на небольшую пещеру, где в принципе действительно можно переодеться. – Но я пойду с тобой... Мало ли...

– Нет уж, Демидов. Никаких мало ли, – грубо отвечаю я, взяв его поло с собой и специально виляю задницей, сама не знаю, зачем. Это какой-то женский приёмчик, что-то, что идёт изнутри. Он смотрит мне вслед и покорно застывает, оставшись на месте. Я удивлена, что на этот раз, он слушается, но это значит, что он понемногу меняется. Возможно, даже боится меня обидеть.

Переодеваюсь в его поло и свои джинсы, а затем мы с ним

выходим оттуда, взявшись за руки. Время уже час ночи, мы только едем домой, и я довольна происходящим настолько, насколько это возможно. Это лучший День Рождения в моей жизни. Во всяком случае, из тех, что я помню.

– Мама не потеряла тебя? – спрашивает он, улыбаясь, пока мы едем обратно.

– Кажется, она сегодня будет поздно, – отвечаю я, глядя на телефон. Ни одного пропущенного. Похоже, она приятно проводит время. Максим молчит, но я пока не готова звать его к себе или знакомить с мамой. Это слишком.

Уже возле дома, в машине мы снова так близко друг к другу, что мне не по себе.

– Спасибо тебе за этот сюрприз, – говорю я, когда он касается ладонью моего лица. Она тёплая и невероятно приятная. Словно я ощущала её всю свою жизнь. Её фантом, который вновь ко мне вернулся.

– До завтра, Аверина, – говорит он, придвигаясь ближе и склонившись ко мне губами. Мы снова встречаемся в поцелуе. Излишне нежно и не спеша. Максим бывает таким разным, и это удивительно. Я прощаюсь с ним и убегаю домой, пока он дожидается, как я исчезну в подъезде. Только тогда машина отъезжает, словно он всегда переживает за меня.

Я ложусь спать с мыслями о нём...И сквозь сон слышу, как мама возвращается в районе трёх часов ночи, стуча каблуками в прихожей...Спи, Ника, твержу я себе, успокоившись, и проваливаюсь в очередную фантазию.

Но на этот раз мне снится Максим... И вновь он так близко, что тяжело дышать. Кажется, я влюбилась так, что хочу попробовать что-то большее. Это волнительно, потому что под одеялом становится горячо по щелчку пальца. Душно. Открываю глаза от страха около шести утра... Чёрт бы меня побрал... Я совсем сошла с ума, раз думаю только об этом. Видимо, это тот самый пубертатный период, про который все говорят. Ладно... Сон всё равно не вернётся. Так что пора вставать...

Собираюсь на уроки как обычно, но мама удивляется, что я встала сама. Ещё бы. Это впервые за последние лет пять точно, обычно меня не добудиться. Немного крашусь, надеваю форму и спешу в школу, дождавшись машину тётки Наташи, где Мира встречает меня с ехидным выражением лица. Там шёпотом рассказываю ей о ночных приключениях с Максимом. Кажется, ей всё это очень нравится, потому что она балдеет от моих историй.

Я встречаю его около десяти часов утра в коридоре. Сердце начинает биться чаще. Вокруг него снова много девушек и парней, а мы с Мирой проходим мимо, на что он просто игнорирует меня, лишь секундно бросив свой томный взгляд в мой адрес. Наверное, в этот момент я перестаю дышать. Чувство, будто мне воткнули кол прямо в сердце. Мира смотрит на меня с удивлением, пока я не ощущаю сзади его огромные руки, которые не дают мне уйти.

– Куда это ты собралась, – шепчет он мне в ухо, заставив

тревожно выдохнуть. Я чуть с ума не сошла, пока думала, что он так и не покажет, что мы вместе. Оборачиваюсь и вижу, что все пялятся на нас. Григорьева, Перевалов и другие. И это явно не дружелюбные взгляды. Мирка уходит дальше, и я провожаю её взглядом, пока Максим обнимает меня и нежно касается кончиком носа моей щеки.

– Ты меня напугал, – говорю я растерянно, пытаюсь взять себя в руки. Я впервые стою у всех на виду и обнимаю парня. – Мне неловко.

– Привыкай, – говорит он ласковым шёпотом, при этом глядя на меня, как кот на сметану. – Они в любом случае будут говорить... Я уже понял, как здесь всё устроено, и поверь... Ничем не отличается от моей предыдущей школы.

– А почему ты старше... Ты поздно пошёл в школу или как? – спрашиваю я, хоть и понимаю, что это неудобно, потому что слишком напрямую, слишком в лоб и не к месту. А это неправильно.

– Это долгая история... Но связано с моей мамой. Я год не ходил в школу после её смерти, – отвечает он, и я хмурюсь, понимая, что вновь увела разговор не в то русло.

– Извини меня, я снова лезу, – говорю я, уткнувшись носом в его шею. И снова этот запах. Рубашка запахнута на две пуговицы, и я вижу его ключицы, которые так красиво виднеются из-под неё.

– Всё нормально, Аверина... Когда-то ведь нам надо друг друга узнавать, да? – спрашивает он, начав целовать меня у

всех на виду. Это так волнительно, что мои ноги вновь не слушаются. Внезапно звонит звонок, и я не знаю, куда себя деть. Я не привыкла к такому, а сейчас вообще чувствую себя героиней какого-то сопливого фильма. Но, видимо, рано или поздно, это происходит в жизни каждой девочки...

– Максим, – тихо говорю я, оторвавшись от него, глядя на то, как все расходятся по кабинетам. – Послушай... Мы можем... Можем не делать так у всех на глазах? Это слишком интимно для меня. Я не хочу, чтобы кто-то смотрел.

На его лице появляется милая улыбка, и он убирает волосы мне за уши.

– Можем, Ника... Если стесняешься меня, так и скажи, – смеётся он, словно издевается. Стесняюсь его... Как такого вообще можно стесняться... Он вообще видел себя в зеркало? Хотя, кого я обманываю. Конечно, видел. Он знает, что красив, как раз поэтому так себя и ведёт.

– Ладно, я пойду, – робко предупреждаю и ухожу в сторону своего кабинета, пока он смотрит мне вслед и молчит.

Наверное, я так просто не привыкну к отношениям. Это странно. И то, что он мне нравится, только всё усложняет.

Опаздываю на урок, где подружка Григорьевой испепеляет меня недовольным взглядом, отчего невольно хмурюсь, присаживаясь рядом с Миркой.

– Чего это Анисимова так смотрит, – спрашиваю, вытаскивая из рюкзака учебник и тетрадь.

– А ты как думаешь, – хихикает Мира. – Тебе достался

такой парень... Половина школы от него тащится, – заявляет она, глядя на меня.

– М...А ты? – уточняю на всякий случай. Мало ли.

– Ника! – смеётся она в истерике. – У меня Димка из головы не выходит... Мне не до твоего красавчика. Хотя, бесспорно, он симпатичный и богатый. С этим не поспоришь... А ещё у него есть один сильный минус.

– Какой? – удивленно вскидываю брови. Вдруг я что-то пропустила.

– Он уже влюблен в одну взбалмошную особу, – щебечет она, прикрывая рот ладонью. Вот дурочка.

– Он не влюблён... Это просто... симпатия, – стеснительно произношу я, закрывая тему и слушая учителя. Мира улыбается, но я стараюсь не обращать внимания. Что она может знать о любви? У неё и отношений-то никогда не было.

Уроки проходят нормально, Максима я больше не вижу, возможно, он вообще прогуливает, я этого даже не знаю, в том числе, не знаю, как он учится. После школы мы с Мирой расходимся по домам, и когда я стою на автобусной остановке ко мне подъезжает машина, из которой выглядывает вся эта неприятная мне компания. Анисимова, Григорьева, Чукреева. За рулём, видимо, сидит старшая сестра Чукреевой, раз они столь беспринципно решили ко мне пристать.

– А что Демидов тебя не возит? – спрашивает Григорьева наглым тоном, пока я смотрю на неё как на грязь на дороге. Мне в принципе они не нравятся, а когда задают такие тупые

вопросы, вдвойне. – Ну, да... Когда ему это делать... Он же уехал с Валиевой ещё с третьего урока. – говорит она, словно специально, после чего у меня неприятно саднит в груди.

– Едьте, куда ехали, – говорю я, глядя на свой автобус и поспешнодвигаюсь к дверям, пока они бросают мне на прощание:

– Ну и пожалуйста. Открой глаза, Аверина! Думаешь,дохрена особенная?!

Сажусь и еду в сторону дома. Почему-то каждое слово болезненно отдаёт в грудной клетке. Но, по какой-то причине, мне кажется, что они сказали правду. Валиева... Это вроде Настя с его класса... Он правда уехал с ней? Теперь понятно, почему я не видела его после десяти часов. Я впервые чувствую, что меня колотит... От злости, ревности. Ощущения, что меня предали. Я открываю глаза и понимаю, что доехала до самой конечной. Чёрт возьми. По телу неприятный озноб... Так вот что значит испытывать настоящую эмоциональную боль. Это так неприятно, будто кто-то нашёл твоё самое уязвимое место и тычет туда своими пальцами, вынуждая его кровоточить.

Дрожащими руками я всё же достаю свой телефон. Не знаю, почему думаю о нём вот так. Не знаю, почему веду себя столь неправильно. Это женская интуиция или неуверенность в себе? Я звоню ему три раза, но он не берёт трубку... В этот самый момент сердце моё уносится куда-то в пятки. Я боюсь думать об этом. Зачем я позволила ему сделать это со

мной? Глаза непроизвольно начинают слезиться. Какая же я глупая...

Я нахожусь на улице около двадцати минут и когда замерзаю, сажусь в автобус вновь. Еду домой с мыслями о том, какая я жалкая. О том, как легко втереться в моё доверие. Господи, что же я за дура такая?

Уже дома ложусь в кровать и реву белугой, пытаюсь проглотить ком в горле. И тут мой телефон начинает звонить. Сначала терпеливо игнорирую, но потом начинаю злиться. Он трезвонит без устали, показывая его имя на экране, но я игнорирую его, также, как и он игнорировал меня. Это ведь надо испытывать такую ярость. Я его буквально ненавижу. Что это ещё за гадкое чувство внутри меня?

«Ника, перезвони», – приходит сообщение, пока я пылаю от злости, лёжа на кровати.

Звонка с двадцать пятого я всё же беру эту чёртову трубку.

– Чего тебе?! Не звони мне больше! – кричу я, и слышу в ответ тревожное кряхтение.

– Эм...А...Кхм...Погоди... Что случилось? – спрашивает он в изумлении. – Куда делась моя влюблённая девочка?

– Знаешь, что, Демидов?! Да пошёл ты! – говорю я озлобленно и чувствую, что меня буквально трясёт от его голоса.

– Ника...Давай серьёзно. Я нихрена не понял. Хотя бы объясни, – продолжает он тревожным тоном.

– Я звонила тебе...Пока ты был с Валиевой, верно?! – в

истерике фыркаю, и слышу, что он начинает дышать громче.

– Так... И что? Да, я был с ней, но..., – начинает он говорить, как я впадаю в ещё большую ярость по отношению к нему.

– Урод! – ругаюсь из последних сил, будучи полностью зарёванной.

– Аверина... Ты с ума сходишь, да? Что, блин, с тобой происходит? Валиева сломала ногу на физре из-за меня. Вот я и повёз её в травмпункт, а потом мы просто сидели в очереди, я не слышал телефон. Ты чего так разозлилась?! – спрашивает он, пока я шмыгаю носом, уткнувшись в ладонь, чтобы заглушить звуки своей истерики. – Ник... Ну, правда... Ты чего?

– Ничего..., – начинаю истошно плакать, пока он молчит и слушает мои вопли.

– Ник... Всё хорошо. Откуда ты вообще узнала про Валиеву? – спрашивает он, и я, сквозь свои всхлипы отвечаю, что мне рассказала про неё Григорьева. Какая же я идиотка. – Ну... Это же всё специально... Успокойся. Что ты как маленькая?

– Я и есть маленькая, – ною, утирая щёки. – И если бы ты сообщил мне об этом сразу, мне бы не пришлось слушать это! Не пришлось бы плакать и думать о тебе в таком ключе!

– То есть, виноват всё-таки я, да, Аверина? – хихикает он, вслушиваясь в мой писклявый голос. – Можно, я подъеду, и ты спустишься... Немного поговорим?

– Я выгляжу, как опухший помидор, – признаюсь я, глядя в зеркало. – Весь день плакала.

Максим смеётся и жалеет меня.

– Ник... Мне всё равно, как ты выглядишь. Для меня главное, чтобы ты успокоилась и больше не думала обо мне такой фигни. Я тебя выбрал. И я точно не собираюсь обманывать тебя. Говорить будут разное... Но ты этих кукушек больше слушай, – читает он мне нравоучения, как ребёнку. И я реально ощущаю себя идиоткой. Как я могла повестись на этот спектакль. Вымотала себе все нервы. Да и он непонятно что теперь обо мне думает.

– Хорошо, я спущусь к тебе, – соглашаюсь я, громко выдыхая. – Но ненадолго. Мне надо заниматься.

– Как скажешь... Помидорка моя, – усмехается он, сбрасывая трубку. Не знаю, почему я такая глупая. Просто, что касается чувств и отношений для меня в новинку. Я ещё не сталкивалась с предательствами, с изменами или чем-то таким, поэтому сейчас мне тяжело понять, кто честен, а кто прав. Но я несомненно поняла, что чувствую к нему очень много, раз меня это настолько задело.

Когда он приезжает, я молча сажусь к нему в машину, и он улыбается во весь свой рот. В такие моменты я снова хочу его ударить.

– Ну, всё... – он прижимает меня к себе, разглядывая мои покрасневшие глаза. – Ты вовсе не помидор... Может... Всё-таки клубничка? – спрашивает он, поглаживая мою щёку.

– Максим, мне не смешно... Я очень расстроилась. Мне было плохо. Это неприятно и обидно, – признаюсь я, опустив вниз свой хмурый взгляд. Он смотрит на меня и кивает.

– Я просто хочу разрядить обстановку. Но давай так, Клубника... Если тебя что-то беспокоит, ты говори мне сразу, хорошо? Я не собираюсь давать тебе поводов для ревности. Тем более, мне никто не нравится кроме тебя... От слова совсем, – говорит он, чмокнув меня в нос.

Мой взгляд направлен на улицу, и я вижу, как маму подвозит Павел, открывая ей дверь своей машины.

– Что такое? – интересуется Макс, пока я рассматриваю их и мотаю головой.

– Ничего... Моя мама, – говорю я, и мы вместе смотрим на них.

– У неё мужчина? Ты вроде говорила... У тебя нет отца... – спрашивает он, наблюдая за моей реакцией.

– Да... У неё мужчина... Она недавно меня с ним познакомила... Я стараюсь абстрагироваться. Мне всё равно, кто он, – отвечаю честно и смотрю на него. – Ну, а... Твой папа? У тебя есть мачеха?

– Мачеха? – смеётся он, качая головой. – Да кто его вытерпит, Ника? Ты не понимаешь, что это за человек... Но, если ты позволишь, я бы хотел познакомиться с твоей мамой.

Что... Это он сейчас вслух сказал? Наверное, это шутка... – Максим Демидов... Хочет познакомиться с моей мамой? Ты серьёзно? – я замираю от удивления, но не отрываю от

него выпученных глаз, приподняв брови кверху.

– Ну, а... Что такого? Мне интересна твоя жизнь. Кроме того, должна же твоя мама знать, с кем отпускает дочь на все выходные, – говорит он, чем заставляет меня опешить.

– На все выходные? А? – переспрашиваю, так как не понимаю, о чём он.

– Да..., – хитро улыбается Максим. – Хочу позвать тебя к себе. На выходные.

– Твой папа... Что... совсем не бывает дома? – спрашиваю, и он мотает головой.

– Раз в месяц... В лучшем случае, – отвечает он обреченно. – Но я от этого не страдаю, если ты об этом.

– Понятно, – я вздыхаю и смотрю ему в глаза. – А знаешь, что? Пойдём сейчас.

– Сейчас? – спрашивает он, пожимая плечами. – Ну, пойдём.

На его лице улыбка, а я хочу показать маме, что не только она неожиданно заводит мужчин. Возможно, это некий урок, чтобы она впредь делилась со мной своими секретами. Но, кроме всего этого... Я почему-то хочу этого. Познакомить двух моих самых... Но ведь он... Я думаю о том, кто он для меня, и до сих пор не могу этого понять. Он нравится мне, но всё произошло так быстро... Слишком быстро.

– Поцелуй меня, пожалуйста, – просит он, касаясь кончиками пальцев моего лица. Я смотрю в его карие глаза и полностью пропадаю в этом парне, до того он красив. Он целует

меня, и мысленно я погружаюсь в то самое чувство принадлежности, что ощущала при первом нашем поцелуе. – Всё... Я настроился и готов. – Максим улыбается, и я смеюсь, поправляя его капюшон.

– Пойдём, – зову его за собой, мы выходим из машины и поднимаемся на мой этаж, позвонив в квартиру. Мне так страшно, что я сжимаю пальцы Максима практически до хруста.

– Эй... Всё хорошо, Ника, – улыбается он, глядя на меня, и тут мама открывает дверь. Её лицо искажается в гримасе недоумения и изумления. В последний раз она видела меня с мальчиком в первом классе на школьной линейке. Это был Лёшка Самойлов, мы с ним тогда сидели за одной партой.

– А... Ника? – смотрит она то на меня, то на Максима, а затем и на наши скрещенные руки. На её губах немного размазана помада, что сразу бросается мне в глаза. Я осторожно прохожу вперёд, когда мама двигается назад, безмолвно приглашая нас внутрь.

– Знакомься, мама, это Максим, – говорю я с серьёзным выражением лица, и вижу, что для неё эта новость как снег на голову. Из-за её спины неожиданно выглядывает ошеломленный Павел. – Максим, это Надежда Александровна.

– Здравствуйте, – спокойно говорит мой парень, и, кажется, я впервые вижу, что он стесняется.

– Эм... Здравствуй... те... – растерянно говорит мама, уставившись на него круглыми как пять рублей глазами. –

Ты не говорила... Что...

– Ты тоже не говорила, – перебиваю я, и Максим слегка дёргает меня за безымянный палец.

– Мы с Вашей дочерью с недавнего времени встречаемся. Но у меня серьезные намерения, так что прошу Вас отнестись ко мне спокойно. Я принимаю на себя всю ответственность, обещаю привозить её домой в назначенное Вами время, беречь и защищать, – улыбается он, пока я слушаю его речь, и сама начинаю восхищаться. Наверное, мама в шоке.

– Ник... Вы серьёзно? Это шутка какая-то? Снимаете для своего Инстаграмма, Вконтакте, Тиктока? – спрашивает она, вызвав у меня смех. Павел тут же выглядывает сзади и тянет Максиму руку, а я качаю головой.

– Нет, мам... Это правда мой парень. Максим. Учится в одиннадцатом. Перевёлся к нам с этого года, – сообщаю я, и мама начинает понемногу оттаивать.

– Мак... сим... Блин, извините меня, – она тревожно протягивает ему свою руку для знакомства. – Проходите, хоть чай попьём.

– Да, давайте, – соглашается он, и я иду за ними по пятам.

Так мы и сидим за столом. Вчетвером, как настоящая семья. Но для меня это так странно, что у меня никак не укладывается в голове. Я впервые показываю кому-то свою комнату, свою маму, свою жизнь. И это действительно очень важно для меня.

– Ну вот, а ты переживала, – говорит он, когда я стою в

коридоре и провожаю его, стеснительно глядя в пол. Это даже больше, чем доверие...

– Да, переживала, – киваю я, прижавшись к нему. Внезапно встаю на носочки и целую его в щеку. Он выше меня примерно на двадцать сантиметров. Как бы там ни было, разница очень чувствуется, и мне это нравится. А ещё нравится обнимать его и ощущать запах его парфюма, когда я утыкаюсь носом в пульсирующую венку у него на шее.

– Аверина, тсссс, – шепчет он, поправляя свои штаны, пока я довольню хихикаю у него под носом.

– Пока..., – машу ему и закрываю за ним дверь, после чего спокойно иду в свою комнату. В это время мама прощается с Павлом. Я уверена, что мы с ней ещё поговорим, поэтому просто терпеливо дожидаюсь её там, переписываясь с Миркой.

– Можно? – спрашивает она, заходя ко мне в комнату. Я с самого начала знала, что она зайдет, так что не удивилась.

– Да, конечно, – привстаю на кровати, когда она присаживается рядом.

– Это же не назло мне? Потому что...очень взрослый мальчик, – говорит она, и я мотаю головой.

– Нет, это не назло, – отвечаю максимально честно. – Он мне понравился.

– Да, я вижу. Мне тоже...Симпатичный...И вроде рассудительный, – говорит она, на что я пожимаю плечами. Это мне ещё предстоит узнать, но говорит он и вправду краси-

во. – Кто его родители?

– У Максима только отец...Он генерал...Следовательно. Кто-то из руководящего состава, – сообщаю матери, на что она приподнимает брови.

– Ого...Понятно...Но ты же...понимаешь? Ника...На счёт секса, – пытается она подобрать слова, на что я киваю.

– Я понимаю. У нас ничего не было, мам, – делюсь я сокровенным. – Только поцелуи...

– Что ж...Это радует, – хихикает она. – Но ему восемнадцать...Да и тебе уже семнадцать. Поэтому просто будь на чеку, хорошо? Предохраняйтесь. – продолжает она. – И извини меня, Ника...Что заранее не рассказала о Павле. Я поняла тебя...

Поджимаю нижнюю губу и тянусь к маме с объятиями. Она крепко обнимает меня в ответ.

– Ему крупно повезло, что ты выбрала его. Запомни, – твердит она мне на ухо, поцеловав в лоб, и я безумно благодарна, что она так говорит...Это радует меня и делает сильнее.

Мама уходит, а я пишу Максиму смс.

«До завтра. Ты понравился маме».

«Хоть где-то мой талант вешать лапшу на уши пригодился, – присылает он в ответ. – Я шучу, Ника. Очень рад. Сладких тебе снов».

«Дурак...Спокойной ночи, Демидов», – пишу я с довольным лицом. Кажется, я всё сильнее влюбляюсь в него...

Через несколько дней мы с Максимом собираемся ехать к нему домой. Я собираю небольшую сумку с вещами, пижамой и прочим. Девочки в школе сильно удивились, что им не удалось нас рассорить, но Мирка сказала, что они точно придумают что-то новое. Такова их гнилая натура. Однако мне всё равно. Пусть попробуют.

Погода в субботу утром стоит просто невероятная, яркое октябрьское солнце греет последними тёплыми лучами и поэтому я нахожусь в прекрасном расположении духа. Мама провожает нас обоих, глядя на машину Максима в изумлении. Наверное, его отцу не следует покупать ему такие дорогие вещи, но, может, так он завоёвывает его внимание... Я машу ей и пристёгиваюсь, когда Макс отъезжает от нашего дома, кивнув ей. Вот он момент, когда я начинаю ощущать себя взрослой. Смотрю на него и не верю собственным глазам, ещё месяц назад я и не думала, что мы с ним будем вместе, что он будет у меня дома, что я познакомлю его с мамой и вообще... Что так сильно... влюблюсь...

– Ты где там? – спрашивает он, пока я витаю в облаках, рассматривая улицы.

– Да... Я здесь... Просто люблю мечтать, – говорю, улыбнувшись ему, и он тоже радуется моему настроению. Я знаю, что я смешу его тем, какая я, но не собираюсь притворяться. Я – это кладёшь стереотипов о любви и дружбе, о честности и доброте, и мне плохо от того, что люди бывают другими.

Строят козни и ненавидят кого-то без явной на то причины.

– У меня там... В общем... Небольшой сюрприз, – говорит Максим, выдёргивая меня из своих мыслей, чем заставляет меня покраснеть.

– М? Опять? Макс... Может не стоит так часто задаривать меня... Мне это реально не нужно, – хмурюсь я, но он мотает головой.

– Глупостей не говори, Аверина. Это мелочи, – он протягивает мне ладонь, и я скрещиваю с ним пальцы. Не знаю, почему я так люблю этот жест, но почему-то он вызывает у меня душевную гармонию и чувство, что мы с ним реально в связке. Не просто играем или используем друг друга... А чувствуем. Впервые. Вместе.

– Всё, беги, – шлёпает он меня по пятой точке, когда мы выходим из машины, и я направляюсь к двери. Что крайне странно, он никогда не закрывает её на ключ. Я понимаю, у него всё на охране и автоматике, но мне всё равно не по себе.

Максим приносит мои вещи, и я иду в ванную, чтобы переодеться в домашнее. И уже там, проходя мимо гостиной, застываю, глядя на маленького щенка, который сидит на диване и скулит. Мой взгляд тут же ищет Максима.

– Да, я завёл собаку, – говорит он, отчего я тут же осторожно направляюсь к малышу, чтобы не напугать его. Кажется, это немецкая овчарка. Нет, не кажется. Точно. Я всегда хотела собаку, но поскольку мы жили в квартире, мама не разрешала этого. А теперь я словно на секунду стала ма-

леньким ребёнком.

– Господи, какая же она хорошенькая, – говорю я, взяв её на руки. – Это лучший сюрприз из всех.

Кажется, на моих глазах появляются слёзы.

– Хочешь назвать? – спрашивает он, присаживаясь на диван, и я сажусь рядом с ним, пока щеночек прикладывается между нами и виляет хвостом.

– Серьёзно? Хочешь, чтобы я назвала твою собаку?

Наверное, это странно, но мне ещё никогда не предлагали таких интересных вещей. Это приятно и очень-очень мило.

– Хочу, чтобы у меня был друг, которого назвала моя девушка, да, – спокойно говорит Максим, потрепав щенка по голове. – Это девочка... Отцовский товарищ привёз. Он кинолог. У него свой питомник.

– Демидов, – шепчу я, наклонившись к его уху. – Ты в курсе, что самый милый парень из всех?

– Так уж и самый, – он клацает зубами возле моего носа, делая вид, что кусает меня, а после того, как я начинаю хохотать, целует меня с особенной нежностью. Я вообще и понятия не имела, что он может быть таким ласковым... Таким заботливым и...

– Тяв-тяв, – выдаёт наша новая знакомая, и я умиляюсь, глядя на то, как она жмётся к Максиму.

– Похоже, ты ей нравишься... Мальчик с холодным сердцем, – говорю я, улыбнувшись. – Пусть это будет твоя Герда. Мой мозг порой сам выдаёт странные ассоциации. Так

обычно и бывает. Мы созданы из того, что нас окружает, из того, что когда-то произвело на нас впечатление. А мне всегда нравилась Снежная королева.

– Хм... А мне нравится, – соглашается он, прежде, чем я решаюсь залезть на него. На мне смешные штаны и кофта с пингвинами в моём стиле. Я обожаю дурацкие пижамы. У меня в сумке лежит ещё и с авокадо. Моя любимая, но увидев её, Максим точно подумает, что я сумасшедшая.

Чувствую, как его ладони касаются моих бедер. Через ткань, но даже так ощущаю тепло его рук. Так пройдёт два дня... О, мой Бог...

– Голодна? – спрашивает он, когда я только-только нащупываю его твёрдый пресс своими пальцами. Мотаю головой, так как позавтракала и продолжаю издеваться, бесцеремонно потираясь об него бёдрами. Сама не знаю, зачем делаю так. Может, хочу испытать его на прочность?

– Ника... Реально, – слышу шёпот в свою ключицу. – Если не перестанешь, уйдешь отсюда женщиной.

– Пфффф, Демидов, – выдыхаю со смехом, но звучит так, словно я фыркаю от возмущения.

– Ну вот и всё... Слезай, – командует он, но я игнорирую, пока он не начинает щекотать меня. Вот здесь всё моё самообладание идёт в чертям. Я вообще не выношу щекотку. Смеюсь так громко, что стёкла могут потрескаться, почти вырываюсь из его хватки, пока он не придавливает меня к дивану, залезая сверху. Герда лает на нас, виляя хвостом, а

Максим начинает целовать меня, запуская пальцы в мои волосы. Когда он делает так, я окончательно теряюсь в своих мыслях, представляя на что способны чувства между нами. Это ведь явно что-то особенное. – Ты самая красивая девушка на свете.

Недоверчиво хмыкаю, думая о том, что он сказал... Он действительно так считает? Наверное, да...

– Хочешь приготовлю тебе завтрак? – спрашиваю очень нежно и провожу ладонью по его волосам. – Да и малышку надо покормить.

– Я кормил её ранним утром. Давал творог. А вот от завтрака бы не отказался, – сообщает он, поглаживая моё лицо кончиками пальцев.

– Тогда пойдём, – мой нос касается его щеки. Так забавно, что мы остаёмся вдвоём. Почти всегда, как взрослые. Никаких рамок, никаких ограничений, но, вместе с тем, он не позволяет себе лишнего.

Я встаю первая и, проходя мимо приоткрытой комнаты в другой стороне лестничного проёма, вижу на столе фото женщины. Не знаю, зачем иду туда, но любопытство сильнее меня. Видимо, это мама Максима... Какая красивая женщина. Лишь на секунду бросаю взгляд на неё, но уже вижу, как они похожи. Вздыхаю и мимолётно смотрю в сторону, где сверху огромного сейфа лежит пистолет. Надеюсь, что это такая зажигалка или типа того, но похож на настоящий. Меня тут же неприятно передёргивает, я не люблю оружие, и

решаюсь быстро уйти оттуда, пока Максим не заметил, что я была здесь.

Целый день мы с ним проводим вместе, вообще не отрываясь друг от друга. Готовим, тискаемся со щенком, прогуливаемся по лесу за его домом, много разговариваем по душам. Очень много. Я узнаю про его маму. Лидию Максимовну. Его называли в честь деда. Он рассказывает о том, как много она для него значила. Что после её смерти отец окончательно ушел с головой в работу и выслуживался, будто назло всему миру. Забыл про него. Практически не разговаривал с ним. За весь рассказ я понимаю, что он был сильно обделен его вниманием. Что тогда, когда его мама умерла, единственный человек, который должен был поддержать его, просто таскал его за собой как мебель, не обращая внимания на душевную боль. И мне жаль, что ему пришлось пережить это. Теперь я понимаю его излюбленную язвительность, но вижу в нём и что-то очень противоположное. Сочувствие, доброту, заботу... И любовь. В нём много любви. Даже к маленьким существам. И это важно...

К позднему вечеру мы по очереди принимаем душ и хотим включить фильм по домашнему кинотеатру, скукожившись в обнимку на его диване все втроём. Это так странно, что мы выбираем к просмотру то, что предлагаю я. Кажется, Максиму вообще всё равно, что смотреть, лишь бы в моём обществе. Потому что мы включаем Короля льва. Ничего не могу с собой поделаться. Обожаю этот мультфильм, а он сме-

ётся.

– Ты реально что-то с чем-то... – целует он меня в макушку при просмотре.

– Ну что? Просто он милый... О семейных ценностях, – говорю я, пока он качает головой. До полуночи мы смотрим его, и я снова плачу, уже в который раз, и вдруг понимаю, что слышу сопение. Это Герда лежит на ногах у Максима. Хочу показать ему это, приподнимаю голову с его груди, и вижу, что он уже тоже спит. Я тянусь к пульту и выключаю всё. Уткнувшись носом в его плечо, засыпаю с чувством полного душевного единения с человеком, которого, кажется, уже обожаю...

Утро, как всегда, приносит много всего. Разговоры, ворчание, недовольное твяканье у нас в ногах. Я смеюсь, пока Максим только пытается открыть свои заспанные глаза. Он утыкается в мои волосы и своей пятой точкой я чувствую все его осязаемые достоинства.

– Маааакс, – выдаю с придыханием, когда он жмётся ко мне всё ближе.

– М? – спрашивает он сонно, но в тоже время достаточно хитро. Сама невинность во всей красе.

– Ты совершенно точно проснулся... Пора вставать, – говорю я бархатным голосом, и на его щеке появляется милая ямочка.

– Я встал... Правда не полностью, – отвечает он, заставив

меня растянуть свои губы и посмеяться над ним.

– Пойдём завтракать, – встаю с дивана и иду в сторону ванной, приводить себя в порядок. Затем мы кормим щенка, готовим завтрак. Максим тоже моется, и когда мы наедаемся и уже собираемся выходить прогуляться, дверь в его дом открывается. Передо мной стоит, очевидно, его отец. Но смотрит словно сквозь меня.

– Здравствуйте, – говорю я, глядя на него, но он даже не здоровается.

– Макс! – кричит он во всё горло, пока я разглядываю его. Они не похожи. Ему около сорока, но он уже на половину седой. Одет в обычные вещи, разве что в руках сумка, видимо с вещами. Может, он приехал из командировки?

Когда Максим спускается к нам, мужчина тотчас бросает на него свой недовольный взгляд.

– Псину завёл, Олег приезжал, что ли? – спрашивает он, когда Максим подходит ко мне и обнимает меня за талию.

– Пап, это Ника, – говорит он, отчего его отец меняется в лице. Он вдруг осматривает меня, словно реально только что заметил, что я здесь вообще нахожусь.

– Я думал...Ника..., – запинается он, всё ещё рассматривая меня. – Эммм...Эдуард Андреевич, – он тянет мне руку, и я даю ему свою в ответ. Что здесь происходит, известно только самому Богу. Во всяком случае, я не понимаю.

– Здравствуйте, – ещё раз здороваюсь с ним. – Хотите чай? Там блинчики и..., – предлагаю я, пока Максим испе-

пелает в нём дыру своим взглядом.

– Мы уже уходим, отец, так что...позавтракаешь сам, – говорит Максим, проталкивая меня к выходу. Я смотрю на растерянное лицо его отца, пока мы не выходим на улицу, чтобы выгулять Герду.

– Что это было? – спрашиваю, будучи в растерянных чувствах.

– Что? – уточняет он, закуривая сигарету, пока Герда бежит по окрестностям.

– Почему твой папа...так отреагировал...Он будто не видел меня до того, как ты не представил меня, – хмурюсь, пытаясь дождаться от него объяснений.

– Он и не видел. Ты первая, кого я ему вообще представил, – отвечает он, делая новую затяжку.

– Ты...нервничаешь? Тебе неприятно? Хочешь, я уеду? – спрашиваю я, на что он качает головой и подходит ко мне в упор, обнимая и уткнувшись носом в мои волосы.

– Не говори глупостей...Ника...Я нервничаю из-за него, а не из-за тебя...Погуляем и вернёмся туда, ладно? Мне надо подышать, – сообщает он, на что я киваю. Мы немного прогуливаемся, смеясь над нашей новой знакомой, которая то и дело грозно рычит на шишки и запинается о сухие ветки, смешно плюхаясь на землю.

– Ты точно от служебных собак, дорогуша? – рассматривает он её, ухмыляясь.

– Не говори так...Она старается...Просто немного неук-

люжая... Прямо как... я, – беру я Герду на руки, пока Максим посмеивается, и мы вместе возвращаемся обратно.

Когда мы приходим, его отец сидит за столом и смотрит новости по телевизору, поворачивая свою голову в нашу сторону.

Это странно, но я быстро нахожу с ним общий язык. Максим почти никак на это не реагирует, но я рассказываю, где учусь, кто моя мама и многое другое из своей жизни. Эдуард Андреевич ведет себя сдержанно, на Максима почти не смотрит, словно даже боится сделать это. Но в глубине души я до сих пор не могу понять модель их семьи. Он оттолкнул сына настолько, что сейчас не может вернуть его внимание. Однако то, что он познакомил нас, уже о чём-то говорит, хотя я почти уверена, что он сделал это для меня, а не для него.

– Мне приятно было познакомиться, Ника, – оставляет он нас, направившись к себе в спальню, пока мы с Максом молчим и переглядываемся.

– Не грусти. Я рядом, – говорю я, взяв его за руку. Он молча кивает, и я будто вижу, что его глаза краснеют от этого. То, что творится у него на душе сидит глубже, и мне больно, что он так мучается.

Я остаюсь у них до пяти вечера, а потом мне нужно возвращаться домой.

– Береги её, хорошо? – улыбаюсь я, прощаясь с маленькой лохматой бандиткой.

– Хорошо... Только ты тоже будешь её беречь. Ты же бу-

дешь приезжать, верно? – спрашивает он, и я встаю с пола, забрасывая свои руки ему на плечи. Мой нос касается его подбородка.

– Конечно, я буду... Что ещё за вопрос..., – встаю на носочки и целую его губы. Мягкие и тёплые губы, касаясь которых каждый раз моё сердце стучит с космической скоростью. Он приподнимает меня над полом, крепко прижимая к себе, и, наверное, именно тогда я отчётливо чувствую, как влюблен этот парень. И это не глупость. Не мои фантазии. Я словно становлюсь его частью в этот самый момент и разделяю его эмоции.

– Ну, всё... Идём, – мы выходим, садимся в машину и мчим по непривычно солнечному Питеру ко мне домой. Это начало нашей с ним любви... Начало серьёзных взаимоотношений. И я, наконец, чувствую, что у нас получится.

Каждый наш день интереснее предыдущего. Я точно знаю, что он меняется ради меня, а я ради него. Мы узнаём друг друга, отчего отчетливее понимаем, что созданы друг для друга.

Время идёт, а мы всё вместе, и я не могу представить другой жизни. Мирка ворчит, что мы так мало времени проводим друг с другом, но всё моё свободное занимает Максим, и я ничуть об этом не жалею. Я зачастую остаюсь у него дома, а однажды и он остаётся с ночёвкой у меня. Ничего не происходит, но это приятно. Спать с ним в моей постели, ощущать его частью своей жизни настолько близко...

Девочки в школе бесятся. Порой даже могут написать что-то в туалете на стенах. Что-то обидное и нелюбезное, а также говорящее о них, как о лицах, не обремененных интеллектом. В том числе Мира скидывала мне посты Анисимовой, где та страдает от неразделенной любви к Максиму. Бесит ли это меня? Возможно, немного, но я стараюсь игнорировать такие новости.

И вот приближается Новый год... 29 декабря у нас последний учебный день, в актовом зале собираются устраивать дискотеку. Обычно я не хожу на подобные мероприятия, но раз теперь мне есть с кем туда идти, да и Мирка тащит меня, надеясь хотя бы потанцевать с Переваловым, то, наверное, стоит прислушаться.

Четверть я заканчиваю без троек, поэтому мама решает сделать мне подарок. В целом мне совсем ничего не хочется, но раз уж выпала такая возможность, мы с Мирой решаемся купить красивые платья. Я никогда не одевалась, как Золушка или любая другая принцесса из сказок, обычно мои платья достаточно сдержанные, но сейчас под натиском моей властной лучшей подруги я осмеливаюсь на покупку чего-то вопиюще вызывающего. У этого наряда полностью открытая спина, и лиф под него явно не подходит. И хоть оно длинное до пола, разрез сбоку тянется до самого верха, оголяя часть бедра. Наверное, я впервые так выгляжу, и Макс ещё выскажет мне за это. Он, кстати, обещал заехать за нами с Миркой в восемь вечера. Мама помогает мне собрать

волосы наверх, и только единичные локоны спадают на мою шею, которая, кстати тоже открыта вместе с ключицами и немаленькой ложбинкой на моей груди.

– Пусть Анисимова удавится. Плоскодонка, – смеётся Мирка, вгоняя меня в краску, и я слегка толкаю её с локтя.

– Нет, мам, ты её слышала? – шуточно фыркаю я на неё, и та показывает мне язык.

Мама лишь качает головой, помогая и Мире привести волосы в порядок, пока я жду своего парня, а они обсуждают меня со стороны.

– Девушка... А ваши родители часов не ювелиры? – ржёт надо мной подружка, вызвав очередную дозу осуждения.

– Да иди ты, дурочка, – говорю я, написав Максиму сообщение.

«Я выгляжу немного иначе, не пугайся».

«Ты в той пижаме с авокадо? Если да, то мне уже ничего не страшно, – присылает он в ответ, отчего я тихо хихикаю себе под нос. – Скоро буду».

Мы с ним вместе только три месяца, а у меня чувство, будто я всю жизнь его знаю... А ещё... Мы до сих пор не занимались сексом. И не потому что я противлюсь, а потому что он сам выжидает. Но сейчас я чувствую, что готова, даже несмотря на то, что боюсь этого. Мы с Мирой не раз говорили об этом, и она считает, что раз я хочу этого, значит, надо действовать. Но Мирка всегда так говорит, чего бы это не коснулось. Для неё на первом месте всегда желания, а не по-

следствия. А я просто жду подходящего вечера, чтобы сказать ему, что...

«Выходите, я подъехал», – приходит сообщение, и мы с Мирой тихой сапой спускаемся, скрыв свои наряды под пуховиками и тёплыми рейтузами. Даже туфли приходится брать с собой. Поэтому Максим не видит нас во всей красе, а лишь часть образа, но даже так смотрит на меня и улыбается.

– Ты чего такой довольный? – спрашиваю, когда он везёт нас до школы.

– Потому что тебя увидел, – передразнивает Мирка, подкрашивая губы в зеркало. Невыносимая вредина.

Хорошо, что Макс уже привык к ней, и просто молча поглядывает на меня в зеркало заднего вида.

Зато, когда мы приезжаем, он, как настоящий джентльмен, подаёт мне руку и помогает выйти из машины. Мирка закатывает глаза, снова рассмеявшись, и мы направляемся в школу, а уже там спокойно переодеваемся в спортивной раздевалке. Лодочки на высоком каблуке особенно дополняют мой образ. Я действительно ощущаю себя красивой.

В момент, когда мы выходим, мне кажется, что абсолютно все пялятся на нас. Что все обсуждают, но самую главную реакцию я вижу на лице своего Максима, который, кажется, теряет дар речи, изучая меня с ног до головы и картинно хватается за сердце, отчего я хихикаю себе под нос.

– Прекрати, – смеюсь я, взяв его за руку.

– Нет, я серьёзно, Клубника... Ты прекрасна, – говорит он,

останавливая меня в школьном коридоре. Его ладони касаются моей спины. Так бесконечно тепло и приятно.

– Я ухожу, голубки, – говорит нам Мирка и следует в актовый зал, пока мы с ним остаёмся там. Я обнимаю его и впервые ощущаю себя по-настоящему счастливой на подобной дискотеке. Из тех редких тусовок, на какие я ходила, сегодняшняя особенно попадает в сердце.

Максим целует меня, и я закрываю глаза по привычке. Мне всегда хочется делать так, а ведь раньше я думала, что так бывает только в фильмах.

– Демидов, ну-ка вон отсюда! – гонит нас завуч из коридора, глядя сердитым взглядом. – Совсем уже...обнаглели. Аверина??! – она смотрит на меня с таким лицом, будто не ожидала, что это я.

Мы закатываем глаза и убегаем оттуда, взявшись за руки. В нашем актовом зале уже полно народу, громкая музыка, все только и успевают танцевать и потреблять алкоголь вдали от учительских глаз. А мы с Максом становимся в центр зала, где он прижимает меня так крепко, как только возможно.

– Что мы делаем? – спрашиваю я, смеясь, пока он просто кружит меня на себе.

– Аверина, я только для этого сюда пришёл, – твердит его серьёзный тон, отчего мне хочется смеяться ещё сильнее. – Нет...правда...Я пришёл сюда, чтобы потанцевать с тобой. И совсем не хочу смотреть за тем, как они бухают.

– Так...Я поняла, – улыбаюсь, расслабившись в его ру-

ках. Музыка играет самая разная, но я будто не слушаю её. Не знаю, что на данный момент звучит в моей голове, но что-то мелодичное и красивое, пока нас с Максом в наглуую не разделяют игрой в смену партнеров. – Эй... – говорю я, глядя на Витьку Фетисова. – Что за детский сад? – внезапно мою руку подхватывает уже Перевалов, отчего невольно морщусь. Вижу, что Максима поймала Григорьева, и меня неприятно передергивает от этого.

– Аверина... А чё ты в нём нашла? Ну, кроме бабок, – спрашивает он, вызвав у меня неоднозначную реакцию. Мне хочется вмазать ему, но слишком много чести.

– Не твоё собачье дело, – отвечаю максимально грубо, чтобы он заткнулся и отстал.

– Он тебя уже распечатал? – спрашивает эта аморальная скотина, и заводит руку на мою ягодицу, после чего события сменяются, словно яркие картинки. Лучше бы мы вообще сюда не приходили. Я понятия не имею, как так происходит, но не успеваю и вякнуть, а кулак Максима уже летит Перевалову в морду, и это не просто один удар. Это целая автоматная очередь. Я прикрываю рот рукой и пытаюсь его оттащить, потому что Перевалов уже похож на отбивную. Хорошо, что мне помогает Володька Чемезов. Он спортсмен и обхватывает Макса за грудную клетку. Мой взгляд натывается на Миру, которая находится в жуткой панике. По-моему, её это сильно задевает, может, она видела, как Перевалов трогал меня... Какой кошмар. Пока все кричат и пытаются по-

мочь Димке встать, в центр зала прибегает завуч, но Володя уже тащит Макса и меня к выходу, ругаясь себе под нос:

– Демидов, какого хрена!?

Слышу только пар возмущения от Максима, он одёргивает руку, с остервенением глядя на него, пока я свожу брови на переносице.

– Максим, идём, – беру его за руку, ощущая на ней чужую кровь, а возможно и его собственную, ведь его рука полностью разбита. Чёртов Перевалов, я буквально его ненавижу. – Послушай... Всё хорошо, – я пытаюсь его успокоить, но вижу, что у меня ничего не получается.

Стоит нам оказаться в фойе перед выходом, Макс выходит на улицу в одной рубашке и достаёт сигарету, пока я смотрю на него из окна. Я понимаю, что ему самому надо успокоиться и также понимаю, что всё произошло из-за меня. Он курит и рассматривает руку, отряхивая кровь в нетронутый свежий снег, а затем видит меня. Минуту он разглядывает моё хмурое расстроенное лицо, подходит к окну и дышит на него. Оно запотевает, и я смотрю на своего Дьявола со стороны, пока он вырисовывает перед моим лицом буквы. Практически кровью, потому что она повсюду, но не это имеет значение.

«Я люблю тебя», – гласит надпись на окне, а по моим покрасневшимся щекам текут слёзы.

Мы с ним молча собираемся и едем к нему домой. Хорошо, что Перевалов не сдал его, наверное, потому что от него

разило спиртным, и он не хотел, чтобы завуч устроила разборки. Не знаю, что говорить, не о такой дискотеке я мечтала, но Максим не виноват в том, что произошло.

– Макс, слушай, руку надо обработать, – говорю я, когда мы уже выходим из машины. Он кивает, и мы с ним идём в дом, где нас встречает Герда, которая тут же начинает его облизывать и скулить. – Видишь, она тоже за тебя переживает.

– Ник, – качает он головой. – Не надо. Это...

– Это не ты виноват, что так произошло, – перебиваю я, нахмутив брови. – Это они придурки. Все они.

– Только это не отменяет факта, что я разбил лицо однокласснику, да? – спрашивает он, на что я достаю аптечку и присаживаюсь перед ним на диване.

– Этот одноклассник – плохой человек. А ты – нет, – убеждаю я его, обрабатывая перекисью сбитые костяшки рук. Как я и думала, до самого мяса. От их вида меня всю передёргивает, и я аккуратно дую на них, чтобы ему не было больно, но, похоже, его это только веселит.

– Я тоже хреновый человек, Ника, – говорит он, но я тут же мотаю головой в отрицание.

– Нет. Нет. Ты лучший человек из всех, кого я знаю, – бинтую ему руку и смотрю в эти карие несчастные глаза. – Максим...

– М? – спрашивает он, будто погружённый в свои негативные мысли.

– Скажи мне, – настаиваю, чтобы он повторил это свои-

ми словами. Я хочу слышать это. Хочу знать это. Я вообще впервые в жизни так сильно чего-то хочу.

– Я тебя люблю, – говорит он, глядя в мои глаза. – И не жалею ни о чём. Если бы он тронул тебя снова, я бы его вообще убил, – говорит он, вытирая с моих щёк слёзы, которые бегут ручьём, ведь мои эмоции не поддаются контролю. Моё сердце всегда живёт отдельной жизнью.

– А я люблю тебя, – отвечаю дрожащим шёпотом, расстёгивая его рубашку. Руки не слушаются, всё слишком эмоционально, но я всегда верила, что так и должно быть, когда любовь настоящая. Начинаю целовать его, трогая ладонями горячую кожу и чувствую что-то такое, отчего по моему животу разлетаются бабочки. Скользящее мимолётное чувство, которое хочется удержать.

Когда его руки касаются моей голой спины, я выгибаюсь, помогая ему стянуть вниз моё платье, под которым я полностью нагая. Всё тело реагирует так, будто покрывается малюсенькими иголочками, которые заставляют меня громко дышать и вновь припадать к его мягким губам. Мне хочется взорваться, чувствуя то, что он со мной делает. Сердце стучит, и я снимаю с него рубашку, осыпая поцелуями его рельефные плечи, на которых остались мои же царапины с прошлой нашей ночёвки. Иногда мы с ним начинаем заигрывать, но сейчас я просто не хочу останавливаться, и если он вновь скажет что-то, я его прибью. Очень раскрепощенно и без промедления расстёгиваю бляшку на его ремне, пока

он дышит так, будто я реально загнала его в угол.

– Ника, ты уверена? – я слышу тревожный вздох, на что судорожно киваю, снимая с него брюки.

Максим встаёт, перетаскивая меня на свои руки. Мы оба полураздетые, моё платье приспущено до рёбер, и он несёт меня в свою комнату на второй этаж, пока я обвиваю его своими руками и ногами. Наверное, это даже больше, чем романтично. Максим кладёт меня на кровать, и в этот самый момент моё тело охватывает неуёмная дрожь.

– Мы можем остановиться, если ты не готова, – шепчет он, глядя мне в глаза, и я психованно притягиваю его к себе за волосы.

– Замолчи, – обнимаю его так, что чувствую жар его кожи. Каждую его мышцу и каждый волосок на его теле. Он касается меня между моих разведенных в сторону ног, и я тут же всхлипываю, ровно, как и во все другие разы, но на этот раз его рука такая настойчивая. Она творит со мной что-то такое, отчего мои пальцы въедаются в его плечи сильнее. Я ощущаю, как по телу бегут мурашки, а в животе будто концентрируется огненный болезненный шар. Я хочу продолжения. Большими пальцами рук он стаскивает с меня бельё, касаясь меня вновь, отчего я тут же меняюсь в лице. Господи, как же это приятно. Мне хочется кричать его имя на весь дом, хочется, чтобы он никогда не останавливался. В одну секунду он замедляется, да я и сама чувствую, как его пальцы скользят по мне и понимаю, что это та самая реакция ор-

ганизма, то самое желание, про которое все говорят.

Я помогаю ему снять моё платье до конца, а затем наблюдаю, как раздевается он сам. Раздевается передо мной полностью. Господи, я конечно видела всё в фильмах для взрослых, но не думала, что это... А как? Ладно, к чёрту... Нужно просто расслабиться... Просто расслабиться... И тогда, наверное, не будет больно? Но как может не быть больно с такими размерами...

Я нездорово рассматриваю его и уже понимаю, что Максим начинает смеяться надо мной.

– Боишься? Это нормально, – говорит он спокойным тоном, на что я краснею. Он улыбается и тянет руку к тумбочке, где отныне в ожидании меня пылятся его презервативы.

– Господи, извини меня, пожалуйста, не знаю, что со мной, – касаюсь я своих щёк, и они горят, словно на них вылили керосин и подожгли.

– Иди сюда, – он придвигает меня ближе, обхватив мою ладонь своей, и я впервые надеваю презерватив на кого-то, да и на что-то... Я вообще впервые его вижу. На ощупь вполне приятный. Даже очень. Он вздрагивает и тяжело дышит, когда я вожу по нему ладонью.

Через секунду оказываюсь под ним, прижатая к кровати так, что становится тяжело дышать. Мы целуемся, и Максим вновь трогает меня, начиная с нежной кожи на внутренней стороне моего бедра и заканчивая...

Чувствую его между своих ног и трясусь, пока он не углуб-

ляет поцелуй, заставляя меня отдаться этому порыву и расслабиться. Доверившись ему, растекаюсь под ним безвольной лужицей, позволяя сделать первое движение бёдер, от которого из моего рта вырывается громкий стон, я тут же обхватываю его плечи руками. А это больно, но не так как я слышала, вполне терпимо. И хоть давление нарастает, я чувствую только одно. Как я бесконечно люблю его и хочу ему принадлежать. И пусть у него было много девушек, я точно знаю, что только моё имя отстукивает у него в сердце.

– Всё нормально? – мы дышим в унисон, наши взгляды встречаются, и я киваю, трогая его спину кончиками пальцев. Он всё глубже во мне, и я целую его так крепко, что наши зубы начинают стучать. То, что я чувствую... Сильнее любых слов. А то, что хочу ему сказать, нельзя ими описать. Я полностью в нём, также, как и он во мне. Его рука продолжает трогать меня, из-за чего я не могу перестать дышать как сумасшедшая, а ещё мой живот стонет в предсмертных конвульсиях от наших трений, мне кажется, что... Я сейчас...

– Максим..., – постанываю в его ключицу, сжав его руками и ногами настолько, что, кажется, протыкаю его кожу на спине до крови. Сердце будто участвует в формуле-1. Тугой узел, что был внизу, развязывается, и я чувствую, как тепло разливается по всему животу, а разум абсолютно опустошается, будто внутри вообще нет никаких мыслей... Просто непередаваемое счастье, из-за которого я вообще не чувствую боли. Внизу всё дрожит и сжимается, и я слышу глу-

хой стон Максима, ощущая его горячее дыхание возле своего уха.

Господи... Мы, наконец, это сделали... Мы, наконец, по-настоящему вместе и...

– Ника... Ты как? – спрашивает он, убирая взмокшие волосы с моего довольного лица.

– Хорошо... Я хорошо, – прижимаюсь к нему, вдыхая запах его тела. Улыбка на его лице вызывает у меня искреннюю радость.

– Ты... потрясающая, – шепчет он, целуя меня в лоб. – Я ещё никогда не был так счастлив... Я серьёзно.

– И я, – говорю я и вдруг понимаю, что плачу. Глаза слезятся и голос так пищит, что Максим удивляется, приподнявшись на локтях. Наверное, не такой реакции он ожидал... Ника, остановись, блин! Ты портишь момент!

– Ты чего, маленькая моя? – спрашивает он, взяв меня за лицо забинтованной ладонью, и я опускаю взгляд, закрывая глаза от подступивших эмоций. – Тебе больно?

– Нет... Нет, конечно, нет... Я просто... Так много к тебе чувствую... Так много, что меня буквально разрывает на части сейчас..., – признание звучит как нечто жутковатое, но Максим только улыбается от этих слов.

– Ты должна знать, Ника, что со мной происходит то же самое, – обнимает он меня, целуя в макушку, и я улыбаюсь... Это ли не счастье? Знать, что вы одинаково друг друга любите...

Если бы меня спросили о лучшем дне в моей жизни, я бы без промедления ответила, что это каждый день, проведенный с Максимом. Это каждый день, когда я встречаю его сонную улыбку и каждый, когда он рядом. Мы лежим в обнимку. Он улыбается во сне... Словно чувствует, что я здесь и смотрю на него.

– Демидоооов, – шепчу ему на ухо, целуя в щетинистую щёку. – Уже одиннадцать...

– Ну и что, – говорит он, прижимая меня к себе. Я гляжу на него и думаю... А действительно? Ну и что? Кладу голову обратно на его тёплое плечо, целуя его кожу, от которой пахнет любовью.

Эта ночь показала мне, что бояться было нечего. Что в отношениях можно не притворяться, а быть полностью честным, если действительно встретил свою половину.

Так мы и лежим до часу дня. Я глажу его и жалею, а он рассказывает мне о планах на лето. Мечтает показать мне место, где он родился. Это город Иркутск в Восточной Сибири на берегах реки Ангары. У Максима там осталась бабушка, они редко видятся, но она любит его, они созваниваются, он отправляет ей посылки. И на самом деле, мне хочется знать больше. Хочется быть с ним... Всегда...

Мы проводим вместе полдня и меня немного смущает, что Мира так и не позвонила мне ни единого разу. Я начинаю думать, что она всё же обиделась на меня...

Максим довозит меня до дома, мы с ним сидим в машине и смотрим, как хлопья снега покрывают его капот. Эта зима выдалась особенно снежной... Да и вообще особенной.

– Твой отец не придет? Если не придет, ты можешь отметить с нами? И Герду привози, – зову я его, на что он завороченно кивает.

– Хорошо, Аверина, я приеду, – говорит он, рассматривая моё лицо. В его взгляде столько тепла и любви, что мне хочется снова кинуться к нему в объятия.

– Что? – спрашиваю, застенчиво поправляя растрепавшиеся волосы, что падают на глаза.

– Ничего... Просто ты такая красивая, – продолжает он нежничать со мной, отчего выражение моего лица сменяется на умиление.

– Демидов, я жду тебя к Новому году... – целую я его в губы и убегаю домой, улыбочиво оборачиваясь буквально после каждого шага, который делаю к подъезду. Он – особенный для меня человек.

Настроение такое, что хочется петь. Мама смотрит на меня, как на дурочку, и я прекрасно её понимаю. Впереди уборка, готовка и другие дела, а я ношусь по дому с невидимым микрофоном. Мне кажется, по мне сразу можно понять, что произошло, я слишком поглощена процессом: пылесос, тряпка, швабра, – всё это становится развлечением в моих руках. Но около семи вечера меня отвлекает навязчивая мелодия телефона. Мира...

– Привет, я писала и звонила тебе, – сразу же отвечаю с тревогой в голосе и удаляюсь в собственную комнату. За всё время нашей дружбы, а это три года, не было ни разу, чтобы мы с ней не разговаривали больше суток.

– Привет, я знаю..., – говорит она обиженно. – Что там произошло? Димка, что...? Трогал тебя?

– Мир, это не то, что ты подумала, я здесь не при чём, – оправдываюсь, так как мне и самой это неприятно. – Послушай, я вообще не знала, что он сделает. Он начал спрашивать про Максима, словно назло. Говорить гадости, а потом... Ты и сама видела...

– Видела, – обречённо выдыхает она в ответ.

– Может, ты приедешь к нам на Новый год или после? Я очень испугалась, что ты не звонила, – голос дрожит, я ведь действительно дорожу нашей дружбой.

– Возможно, первого, – отвечает она, и мне на душе становится хоть чуточку легче. – Как там Демидов?

– Нормально...И мне...Есть чем поделиться, – говорю ей, на что Мирка хихикает в трубку.

– Всё с тобой ясно, – говорит она, и я слышу тётю Лену на заднем плане. – Ладно, мама зовёт, скоро и Наташка приедет. Счастливого тебе Нового года. С наступающим!

– И тебе...Мира, я очень буду ждать, – кладу трубку и громко вздыхаю. Неприятная вышла ситуация. Действительно скверная. Но надо отвлечься...Я продолжаю убираться и помогать маме.

За украшениями и прочими делами проходят сутки, и я даже успеваю поговорить с мамой по душам. Тридцать первого вечером, когда напеваю песенку и прихорашиваюсь в ожидании Максима, мама накрывает на стол всё, что мы с ней наготовили, и смотрит на меня особенным заинтригованным взглядом.

– Выглядишь счастливой, – констатирует она, улыбаясь. – Не помню, чтобы раньше видела тебя настолько жизнерадостной.

– Это...Всё он, – отвечаю я, собирая волосы в хвост и смотрю на себя в зеркало. Да, что-то изменилось, я и сама это вижу. Взгляд стал живым и горящим...

– Вы с ним...Хорошая пара, Ника. Я правда очень рада за тебя, – тянет мама руки и обнимает меня, прижимая к себе.

– А как Павел? Он...Делает тебя счастливой? – спрашиваю, уткнувшись носом в мамины волосы. Я всегда любила так делать. Ассоциации из детства.

– Думаю, да...В моём возрасте счастье – это когда он не разбрасывает носки по дому и принимает твоего ребёнка, так что, – шутит она, и я громко смеюсь.

– Это какая-то цитата из ВКонтакте, – хохочу я в голос, на что мама пожимает плечами.

– Да, наверное, – улыбается она, щёлкнув пальцем по моему носу. – Ты главное, береги себя. Пусть он тоже знает тебе цену, хорошо?

– Хорошо, мама, – киваю я, прекрасно понимая, что она

хочет, как лучше, ведь отец бросил её беременной и это было болезненно. Хорошо, что это не заставило её отказаться от меня и не сделало сухарём. Она очень меня любит.

Ближе к десяти вечера, перед самым праздником, в гости приходит Максим с кучей подарков и Гердой в руках. Я крепко обнимаю его, позабыв обо всех тревогах, что беспокоят моё сердце. Важно только это. Он и я. И ничего больше.

Новый год в кругу семьи проходит прекрасно. Павел тоже празднует с нами, мы болтаем, обмениваемся подарками, веселимся, а после трёх ночи мы с Максимом засыпаем в обнимку в моей комнате. Не знаю, что может быть лучше всего этого... Это то, о чём я и мечтать не могла. Пока другие девушки бесконечно выясняют отношения, строят козни и ругаются, всё, чего я хочу, чтобы мои близкие и родные люди были рядом со мной. Здоровые и счастливые.

– Ты спишь? – спрашиваю сквозь сон, обнимая его в своей пижаме с авокадо, над которой он, кстати, вдоволь посмеялся сегодня за праздничным ужином.

– Нет, – он начинает гладить меня по руке кончиками пальцев. Его нос утыкается в мой затылок. И это самое приятное чувство из всех, словно там ему и место.

– Я загадала желание, – рассказываю ему, нежничая.

– М-м-м, – шепчет он мне, вызывая по всему телу мурашки. – Надеюсь, там есть я.

– В моём желании? Есть, – хихикаю, чувствуя, как его пальцы отодвигают цепочку с кулоном, которые он подарил

мне на праздник. Это великолепная маленькая клубничка из золота. Даже здесь мой любимый человек выделился. – Мне очень понравился подарок. Еще раз спасибо тебе...

– Не надо... Ты один раз уже сказала «спасибо», – говорит он, протолкнув большой палец под резинку моих пижамных штанов.

– То есть... Расплачиваться придётся так? – флиртую с ним, пока его ладони блуждают по моему телу. Как же это всё-таки... Волнующе. До эндорфинов в моей голове.

– Да, придётся так, – улыбается он, снимая с меня штаны. – Только тсссс...

Я не совсем понимаю, что он хочет делать, пока он не оказывается где-то в районе моего живота, поднимая мою футболку вверх. Поцелуи там ещё чувственнее. Я даже не могу думать, что будет, когда он... Ох... Пресвятые небеса... Выдыхаю, пока меня трясёт от исступления. Его губы целуют меня прямо через ткань моих трусиков, и я готова выть от желания, но нельзя... Потому что в соседней комнате мама.

Его ладонь поднимается выше и трогает мою грудь, пока язык вытворяет такое, отчего мне трудно дышать. То, как я извиваюсь, больше похоже на обряд экзорцизма, без шуток. Но Максим придавливает меня за тазовые косточки к матрацу и отодвигает взмокшую ткань в сторону.

– Угомонись, – твердит его сиплый голос, который вызывает у меня дрожь, и ладони обхватывают мои бёдра, пока он проталкивает свой язык внутрь. А я запускаю свои пальцы в

его волосы и еле сдерживаюсь, чтобы не закричать, ведь он так близко ко мне. Так бесконечно глубоко, что я не могу безмолвно получать это удовольствие.

– Макс, – шепчу, притягивая его ещё ближе, в двух секундах от того, чтобы в моих ушах не зазвенело. И ощущение, что повсюду маленькие колокольчики, которые очень скоро зазвучат в такт моему голосу. – О, боже...

Его губы так меня целуют, каждое его движение отпечатывается на подкорке, и я не знаю, кто бы ещё научил меня такой любви... Только с ним моё сердце скачет галопом в грудной клетке. Секунды за секундами, и под звуки фейерверков, доносящихся с улицы, у меня в голове взрываются свои. В животе разрастается сакура, и я растекаюсь в его руках, пытаюсь дышать полной грудью. Максим приподнимается и плюхается рядом со мной на подушку, глядя своей совершенно довольной, лисьей ухмылкой.

– Я запомнил твои точки, – шепчет он, пока я только отхожу от этого блаженного чувства, которое блокирует мне доступ к словам. А он всё смеётся, рассматривая меня. – Может, я что-то не то нажал? Ты можешь говорить? – он хохочет в подушку, а я краснею, шлёпнув его по плечу.

– Ты всё правильно нажал... Я отхожу, – сообщаю, запыхавшись, и сама хихикаю, как дурочка. Максим нежно сгребает мои волосы в кулак и начинает новый поцелуй. Я чувствую на нём свой вкус, и у меня вновь бегут мурашки по всему телу.

– Ты знаешь... Я очень тебя люблю, – шепчу ему в губы, и мы оба затихаем, вслушиваясь в забавное сопение собаки. На наших лицах появляются улыбки.

– И я тебя очень люблю... Безумно люблю, Ника.

Мы с ним засыпаем только под утро, и это лучший Новый год в моей жизни... Клянусь...

Первого числа в гости приходит Мира, я приготовила сюрприз и для неё, но она ведёт себя немного иначе. Напряжённая и будто бы до сих пор в обиде на то, что произошло в пятницу. Макс лишь недоверчиво смотрит на неё, но в итоге мы приходим к примирению. Все понимают, что мы не виноваты в поведении Перевалова. И Мира не виновата, что её сердце выбрало такого придурка.

Праздники проходят хорошо. То мы отдыхаем дома у Максима, то балдеем у меня, и один раз даже встречаемся на катке, где я учу Макса хотя бы стоять на них, потому что он не умеет. Это действительно смешно, ибо он падает около двадцати раз и всё это время я прикладываюсь рядом с ним, чтобы поддержать его и обнять. Мама умиляется нам, я вижу, как порой она смотрит. Кажется, она и сама его любила. Во всяком случае, она всегда добра к нему.

– У тебя ноги деревянные, – хохочу, глядя на то, как он пытается кататься.

– Будешь тут с вами... Пластилиновым, – говорит он, глядя на нас. Меня научила кататься мама, и мы часто ходим на каток. Поэтому практика даёт о себе знать, хотя говорят, что

это как с велосипедом – стоит один раз научиться и никогда не забудешь.

– Максим, держи равновесие, – кричит ему моя мама издалека, показывая, что нужно расслабиться, но он наоборот напряженный, как бревно, если можно так выразиться.

– Да я держу, – неуверенно произносит он и тут же плюхается на лёд. – Чёрт!

Я смеюсь и вновь ложусь с ним рядом.

– Смотри, какое сегодня небо... Красиво, да, – мы лежим прямо посередине, вокруг катаются люди, объезжая нас стороной, и Максим обнимает меня, глядя прямо вверх и хмуря свои густые брови.

– Да, – выдыхает он, закрывая глаза. – Я никогда не научусь, ты в курсе?

– Ну... Почему никогда? Может когда-нибудь всё же научишься, – улыбочиво смотрю на него и зазываю на новый круг. Он ворчит, но всё равно идёт со мной. Потому что доверяет. Так к вечеру ему даже удаётся проехать несколько кругов самостоятельно и не упасть. Он горд собой, и мне хорошо от этого. Будто я научила младенца ходить, это так странно. Но мне безумно нравится проводить с ним время в кругу своей семьи.

Всё даже больше, чем прекрасно, у нас с Максом большие планы. Его отец принял меня и считает, что я положительно на него влияю. Надеюсь, что это действительно так. По крайней мере, я стараюсь раскрывать его доброту, хоть у ме-

ня это не всегда получается. Но я знаю, что в глубине души он самый добрый и заботливый человек, которого я знаю.

Единственное, что доставляет неудобства, это Перевалов и его компания. Я не знаю, что движет такими людьми, быть может, это страх или неуверенность в себе. Но они регулярно встают на нашем пути.

Проходит месяц до новой нашей стычки. Всех их настолько злит наше счастье, что им хочется всё испортить. Сначала кто-то пишет разные гадости про меня за школьными гаражами. Это абсолютно глупо, так по-детски, словно мы в третьем классе, но Макс раздражается из-за этого. Говорит, если бы застукал кого-то из них, оторвал бы им руки. А я игнорирую всё это. Зачем реагировать, когда у меня есть любовь всей моей жизни? Да, это неприятно, но в конце концов, что они могут нам сделать?

– Нет, смотри... Ты должна... Вот здесь...

Это Максим показывает мне, как считать интегралы, когда мы отдыхаем у него на очередных выходных. – И минус вот это...

Как бы я не любила математику, когда он пытается научить меня чему-то, моё внимание приковано к его губам.

– Эй... Никаааа... Земля вызывает Нику, – смеётся он, ущипнув меня за попу, пока я стою рядом с ним.

– Чушь какая-то... Зачем они мне? – Максим дёргает меня за руку, и я падаю на его колени, продолжая ворчать. –

Ладно, физика...Ладно, химия...Они в жизни пригодятся. Но интегралы? Серьёзно?

– Серьёзно, и они могут пригодиться. С помощью интегралов можно посчитать площадь некоторых фигур...И слушай, бывает так, что это нужно в инженерии, например, – он говорит это, а у меня дёргается глаз. Ненавижу математику. Теперь хоть ясно, кто из нас с ним семи пядей во лбу. – Ну всё...Иди сюда, – он притягивает к себе моё лицо и целует, пока я раздуваю ноздри от возмущения.

– Никогда её не понимала...Кое-как вышла на четвёрку в том году, – хмурю брови, пока он расстёгивает мою кофту.

– Не грусти, – целует он морщинку меж бровей и касается ладонями моей груди. – Зато у тебя восхитительные сиськи, – на его лице хитрая ухмылка, и я даже не могу злиться на него за эти слова, но мне смешно.

– А будет такой пункт в аттестате? Восхитительные сиськи? – спрашиваю я, пока он смеётся в истерике.

– Это вряд ли...Зато математика точно будет, – качает он головой, а затем рассказывает мне, что будет с моей жизнью. – Ну, представь. – Максим берёт меня за талию. – Ты приходишь устраиваться в какую-нибудь суперкрутую компанию по проектированию многоквартирных домов в Петербурге, тебя там встречают хмурые серьезные взгляды. Ты наклоняешься. Абсолютно все пялятся на твои восхитительные сиськи, – он еле сдерживает смех, пока я краснею. – А затем...Ты такая: «И я могу посчитать площадь через опре-

делённые интегралы»...

Тут я сама начинаю смеяться. Мы оба хохочем, и у Максима такой бархатный смех, что это греет моё сердце.

– Ты дурак, ты в курсе? – обхватываю его плечи руками и тянусь к его губам своими.

– В курсе, Клубника, – выдыхает он, прежде чем мы начинает творить невообразимое. Я даже не думала, что можно так сильно хотеть. Но рядом с ним каждый раз такой, будто я забываю про стыд и границы. Я знаю только то, что безмерно хочу его.

Мои руки стаскивают с него одежду. Тряпка за тряпкой отправляются на пол, пока мы оба не оказываемся голыми за его компьютерным столом. Он целует мою грудь, и я закрываю глаза, постанывая его имя на весь дом. Его пальцы сжимают мои ягодицы, и я сама лезу в его стол за защитой. Это так странно, ещё месяц назад я даже ни разу не держала в руках презерватив... Ни стыда, ни совести, Ника...

Он помогает мне привстать, и я снова ощущаю это упоительное чувство растяжения, от которого в моей голове летают маленькие светлячки. Дыхание совсем сбивается. Он оставляет следы на моей коже. Свои поцелуи и прикосновения, от которых сознание плывёт. Почему всё вкуче даёт такой головокружительный эффект? Ощущение восторга, как от мыльных пузырей в детстве.

Мне хочется, чтобы он был ещё ближе. Чтобы он никогда и никуда не уезжал. И даже сейчас. Притягиваю его к себе,

отчего он смеётся, лаская моё тело. Его пальцы гуляют по моим рёбрам и животу, и чувство, что я при этом испытываю, сильнее любого другого. Я не устану говорить, как люблю его. Не устану смотреть в эти карие глаза и видеть в них своё будущее.

Темп ускоряется, я чувствую, что моё лицо всё показывает. Прикусываю губу, закрываю глаза и всхлипываю, когда он надавливает снизу. Ноги выпрямляются вместе со стопами, и я откидываю спину назад, несдержанно простонав на весь дом. Макс лыбится, но, уткнувшись в мою грудь губами, очень быстро кончает следом, сжимая в ладонях кожу на моих бёдрах.

– Чёрт...Блин, – выдыхает он, целуя мою кожу под ключицами.

– Да...Блин, – издеваюсь я и провожу пятерней по его красивым густым волосам. – Знаешь, как я люблю тебя?

– Знаю...Как я тебя, – говорит он, и я хватаю свой телефон с его стола.

– Что ты делаешь? – хмурится он, всё ещё удерживая меня на коленях.

– Хочу, чтобы осталось на память, – объясняю, и прошу его скрыть мою грудь ладонями. – Вот так...

Делаю несколько фотографий, на которых мы такие счастливые, что фото неспособно это передать, но я всё равно хочу смотреть на них и думать о нём, когда мы не вместе...Его глаза сияют ярче любых звёзд, я ни на секунду не забывала

то мгновение, когда впервые его увидела...

– Ты у меня такая неженка, – шепчет он мне в шею, встаёт и тащит меня на кровать, после чего мы уже не вспоминаем про математику и интегралы...

Через несколько дней мы с Максимом вынужденно прогуливаем школу и везём Герду к ветеринару, чтобы поставить ей очередную прививку. Дороги вновь сильно заснежены, я держу малышку на руках, и она радостно виляет хвостом, когда мы подъезжаем в клинику.

Уже там нашей девочке ставят укол, и мы возвращаемся домой, решив провести остаток дня вместе. На улице февраль... Скоро будет дурацкий день влюбленных, который я никогда не понимала, но зато теперь у меня есть повод подарить любимому человеку смешную открытку. Хотя обычно мне для этого не надо поводов. До самого вечера мы с Максимом вместе делаем уроки, разбираем темы, которые я не понимаю, а ещё делаем кое-что не совсем школьное, но очень приятное. А уже к девяти он привозит меня домой и уезжает.

Я ложусь спать, переписываясь с Мирой. Она говорит, что плохо себя чувствует и в последнее время она вообще какая-то отстраненная, а может в этом виновата я сама. Остётся всего год до взрослой жизни. Год и мы с Максимом, возможно, будем жить вместе, во всяком случае, мама разрешила мне это сразу, как я поступлю в университет. Я бы всё отдала, чтобы это сбылось... Чтобы планы стали реаль-

НОСТЬЮ...

Не знаю, как действует судьба... Не знаю, за что она даёт некоторым ужасные испытания... Но утро седьмого февраля меняет абсолютно всё в нашей жизни и служит началом нашего конца...

Мы с Максимом приходим в школу в разное время. Я добираюсь сама, потому что тётя Наташа сегодня не может меня забрать, так написала Мира. На первом уроке по русскому языку, Таисия Леонидовна вызывает меня к доске, мы многое обсуждаем насчёт ЕГЭ и экзаменов после десятого. И я не сразу замечаю, что из моей сумки пропадает телефон. Однако после урока это уже становится ясно, ведь я нигде не могу его найти, ладно хоть он у меня на пароле, и это радует.

Я сообщаю об этом классному руководителю и нахожу Максима по расписанию, объяснив, что осталась без связи. Естественно, он хмурится и говорит, что теперь есть повод принять тот самый айфон, что пылится у него дома. Конечно для него в этом нет ничего страшного, но мне неприятно, что приходится столкнуться с такой ситуацией.

– Ну, не грусти... Купим тебе новый... Любой другой. Пусть удавятся, – говорит он, обнимая меня в коридоре, пока мимо проходит Анисимова и снова пялится на нас, да ещё и с такой мерзкой улыбкой, что меня передёргивает. Никто и слова сказать не смеет, когда рядом Макс, но зато они постоянно говорят что-то, когда его нет. И это уже порядком меня раздражает. Поскорее бы закончить эту чёртову школу

и уехать с ним куда-нибудь, где нет таких злых прогнивших людей.

– Не хочу новый... Там было столько наших фотографий, – ною я ему в шею, вдыхая запах его свежевыглаженной рубашки. Обожаю как он пахнет.

– Мы сделаем новые... Мы ведь вместе, – улыбается он, поправляя мои волосы, но внезапно звонит звонок. – Всё, беги на урок. – Максим целует меня в макушку и машет на прощание.

Мы с ним расходимся, и со спокойной душой я возвращаюсь в класс. Странно, что Мира не пришла на математику, но, может, случилось что-то срочное. В принципе до конца учебного дня меня ничто не беспокоит. Я просто учусь и изредка вижу Максима в коридоре, провожая влюбленным взглядом, а уже после шестого урока он забирает меня на машине, и мы едем в магазин, где он силой заставляет меня принять новый подарок. Мы восстанавливаем симку, и я сообщаю маме об инциденте. Она в шоке от произошедшего, потому что наша школа обычно не отличается воровством и подобного вида преступлениями. Однако она успокаивает меня и говорит, что вечером мы обязательно всё обсудим. Тогда мы с Максимом едем ко мне... Как раз в то самое время, пока я готовлю нам покушать, его телефон начинает без устали трезвонить, и он меняется в лице, когда видит что-то на экране.

– Что такое? – спрашиваю и хмурюсь, когда он сжимает

в руке свой телефон.

– Ничего... Я схожу покурю, – говорит он довольно сухо, отчего я застываю на месте, потому что его настроение меняется буквально в секунду. А ещё у меня какое-то неприятное ощущение внутри.

Минут через десять выглядываю в подъезд, где Максим громко на кого-то кричит в телефонную трубку. Это пугает меня. Я вздрагиваю и спускаюсь к нему на лестничный пролёт.

– Макс... Реально... Что такое? – спрашиваю и вижу его покрасневшие от злости глаза. Он показывает наши с ним фотографии, которые сейчас находятся буквально везде. По всем чатам, всем группам и мы там далеко не играем в куклы. Наверное, в этот самый момент я забываю, как дышать.

– Ника... Ты, главное, успокойся... Я сейчас..., – не успевает он договорить как я бросаюсь обратно в квартиру. – Ника! Стой, блин! – кричит он мне вслед, но я будто не слышу. Мои глаза застилают пеленою слёз. Я падаю на колени в коридоре так и не добравшись до своего телефона, и он наступает меня там, закрывая своими объятиями от всего мира.

– Я найду того, кто это сделал, Ник... Успокойся. Я разберусь. Просто дыши, моя маленькая. Просто дыши..., – я утыкаюсь в него носом, и мне так плохо, что я даже не могу найти слов. Это обидно и неприятно, словно кто-то вывернул твою душу наизнанку. Это только наши фотографии, только наши с ним... И никто не имел права...

– Мой телефон был на пароле... Как это возможно, – говорю я, всхлипывая, пока он обнимает меня. Мне тошно, мне больно, это даже хуже, чем оказаться облитой грязью. Это бесчестно.

– Не знаю, малышка... Но я всё выясню, – обещает он, пока я удерживаю его за ткань рубашки.

– Пожалуйста, не уходи... Не бросай меня, Максим. Я прошу тебя... – умоляю я, задыхаясь, и он прижимает меня сильнее, но я слышу, как колотится его сердце. Я знаю, как чешутся его кулаки. И я понимаю, что у нас в школе есть как минимум одна компания, которая могла такое сотворить. Но я так боюсь его отпускать. – Остайся со мной.

– Ник... Я должен решить это... Маленькая моя. Никто не смеет так поступать с тобой... Пойми это, – твердит он, вытирая мои щеки.

– Пусть они катятся к чёрту, – реву белугой, обхватывая его волосы, и он гладит меня по спине. Моя голова начинает трещать от вылитых слёз. И я так переживаю из-за всего этого, что мне становится только хуже. Сознание плывет, и Максим укладывает меня в постель, а затем приносит стакан воды.

– Давай так, моя... Я сейчас еду в школу и вытрясу всё из... И потом вернусь к тебе, ладно? Ты можешь поспать? – спрашивает он, когда я утыкаюсь носом в подушку.

– Что теперь будет? Эти фотографии никогда не исчезнут отсюда, да? То, что попадает в Интернет, никогда отсюда не

исчезнет, – говорю я словно заученными фразами специалистов по кибербезопасности, но на деле мне настолько плохо, что я даже не знаю, что говорить. Руки дрожат, а слёзы непроизвольно выступают из глаз. Господи, какой позор... А что скажут учителя? Что скажет моя милая мама?

– Ника... Всё, моя родная. Я поехал, постарайся поспать, – убеждает он, целуя меня в лоб. Он и сам очень за меня волнуется, я слышу это по его голосу.

Как только я убеждаюсь, что дверь закрывается, на полуважных ногах иду за своим телефоном на кухню, где снова восстанавливаюсь в этих чёртовых социальных сетях и вижу, какую дрянь они о нас пишут.

«Аверина, ну ты и шлюха. Постыдилась бы такие фотки выкладывать. Да... быстро он тебя... А правда, что ты и Перевалову давала?».

Читая это, меня всю трясёт. Мне сыплются такие же отвратительные сообщения и в личку, отчего я невольно морщусь, и мне хочется выпрыгнуть из окна, но я не буду этого делать, потому что у меня есть мама и есть мой Максим...

Я звоню ей и рассказываю о случившемся, она тут же бросает всё и выезжает ко мне, убеждая, что всё это от зависти и подлости некоторых людей. Я знаю, что она права, но это всё равно не укладывается в моей голове. Я звоню Мире тысячу раз, но она не берёт трубку, а потом я понимаю... Что пароль от моего телефона знала только она. Только моя лучшая подруга Мира... Которая с недавнего времени ведёт се-

бя со мной очень странно, а ещё она пропала после второго урока, как раз, когда у меня исчез телефон. Я не хочу верить в это, но мне так плохо... Мечусь по комнате и не могу найти себе места.

Когда мама приезжает, я сама не своя. Ей даже приходится дать мне успокоительное, потому что меня всю трясёт и кружится голова. После выпитой таблетки я быстро засыпаю, а когда просыпаюсь в районе семи вечера, слышу голоса с кухни. Там сидит Максим с разбитыми в кровь кулаками, и моя мама обрабатывает ему их, пока он вытирает со щек слезы. Самое ужасное, что они бессильны здесь, и мне также жаль его и маму, как и себя в этой ситуации.

– Макс..., – опускаюсь перед ним на колени, чувствуя его боль за меня. И мама смотрит на нас, пытаюсь успокоить.

– Послушайте... Вы молодые... Ник... Надо, наверное, обратиться в прокуратуру или МВД, пусть найдут тех, кто украл твой телефон, может так удастся выйти и на того, кто выложил фотографии, – хмурится она, и я мотаю головой.

– Мам... Мира не берет трубку... Помнишь, тогда на вечеринке с Перваловым... В общем она, кажется, обиделась на меня... И только она знала пароль, – говорю я, отчего выражение лица Максима меняется.

– С..., – слышу я из его рта, и он замолкает, глядя на мою маму, когда она заканчивает бинтовать его руку.

– Дочка... Запомни, что женская дружба понятие специфическое... Она не всегда бывает настоящей, также, как и

любовь. Я не собираюсь винить тебя в том, что ты доверяла ей, но впредь ты будешь умнее... – озвучивает моя мама и я вижу, что ей также обидно за меня, ведь каждое слово даётся с трудом. – А ты, молодой человек... Держи себя в руках.

– Они так и не понесут никакого наказания за то, что сделали, – сдавленным тоном произносит Максим, и я сжимаю его ногу сильнее. Он тут же поднимает меня и садит к себе на колени. – Посмотрите на неё... Почему она должна плакать из-за таких недолудей, которые в этой жизни не ценят ничего, кроме бухла и сплетен?

Его голос звучит как сталь. Глаза покраснели как багровое зарево над горизонтом, и я понимаю, что он в какой-то мере прав.

– Я всё понимаю, Максим... Но такова жизнь. Люди в большинстве жестокие и беспощадные... Но вы ведь есть друг у друга. Это главное, – говорит моя мама, и я обнимаю его сильнее. – Можешь завтра не идти в школу... Я поеду поговорю с классной и директором, – говорит она, и я опускаю взгляд. Они испортили мне всю жизнь.

– Я пойду в школу, ещё чего, – заявляю я уверенно, но мама качает головой, глядя на Максима.

– Присматривай, пожалуйста, за ней, – касается она моих щек, стирая с них остатки слёз.

– Конечно, – обещает он, и остаётся со мной на ночь. А ещё он обнимает меня и запрещает залезать в Интернет. Я знаю, что так будет правильно, но страх сидит на поверхно-

сти и не даёт мне спать. Всю ночь я думаю о том, как ошиблась в выборе друга.

Утро приносит новую боль. Когда мы приезжаем в школу все вместе, мама тут же идёт разбираться, а на нас все смотрят и шушукаются. Перевалова нет, он в медпункте на обработке швов, также, как и Фетисов. Кажется, Максим выбил им зубы прямо через мягкие ткани. Мира проходит мимо меня и игнорирует, садясь за другую парту. Это не просто больно. Это безумно неприятно.

А уже после первого урока начинаются оскорбления и издевательства, от которых меня трясёт ещё сильнее. Конечно, Анисимова и Григорьева ждали, когда я приду. Ждали, чтобы унижить и напомнить о положении вещей в обществе.

Фото были распечатаны и разбросаны по всей школе, после чего я проревела в женском туалете около часа, а затем поехала с мамой обратно домой.

– Я предупреждала, малыш, – твердит она, пока я еду с опухшими глазами и смотрю в окно. – Ты предупредила Максима?

– Нет, – шмыгаю носом и не хочу разговаривать. Затем мой телефон начинает звонить, и я вижу его имя на экране... Но не хочу брать трубку. Мне больно...

«Максим, можно я немного побуду одна? Я уехала домой с мамой», – пишу ему сообщение и ненавижу себя за это, но я совсем не хочу никого видеть, особенно после

выходки Миры и фотографий, что валялись по всей школе. Они просто уничтожили моё счастье... Сломали меня, как какую-то игрушку...

– Ник... Не витай в облаках... Всё наладится, – убеждает меня мама. – Мы ведь любим тебя. Пожалуйста, знай это. Хочешь, мы переведем тебя в другую школу?

– Нет..., – отвечаю через нос, потому что всё заложило, и я даже не могу нормально дышать. – Не знаю... Не хочу, наверное...

– Я поговорила с директором... Это, конечно, интересная школа... Во всяком случае, меня там особо слушать не стали. До того момента, как я не сказала про прокуратуру, – рассказывает она, отчего я ещё сильнее хмурюсь. Я предполагала что-то подобное.

– Не сомневаюсь, – коротко отвечаю матери, сжёвывая половину букв.

– Подумай, родная, – успокаивает мама, и мы подъезжаем к дому.

Я ложусь в кровать, вставляю в уши наушники и думаю о том, какими люди бывают подлыми... А ещё о том, что Максиму, вероятнее всего, также больно, как и мне... Сама не замечаю, как засыпаю и просыпаюсь только вечером. От Максима пара пропущенных, но когда я звоню ему, он не берет трубку.

Читаю его сообщения.

«Ника... Я так люблю тебя. И мне очень за тебя обидно и

больно. Я бы хотел переломать им всем руки, честно. Смотрю на Герду и думаю о том, что животные лучше некоторых людей... Они честнее и им незачем творить подлости, чтобы самоутвердиться... Но ты... Ты у меня чистый ангел, и я благодарю Бога, что ты моя».

От этого сообщения я снова начинаю плакать. Пишу ему, но его нет в сети. Он был около двух часов назад.

«Максим, извини, что я не писала, я спала. И извини, что уехала без тебя. Извини меня за всё. Я очень тебя люблю. Увидимся завтра, да? Вместе мы справимся».

Отправляю и надеюсь, что он увидит это сегодня, ведь мне очень хочется поговорить с ним. Услышать его голос. А ещё прижаться к нему, чтобы уловить этот запах, что всегда так успокаивает меня.

Встречаюсь с мамой и Павлом на кухне. Хочу немного перекусить, но снова и кусок-то в горло не лезет. Мама говорит, что надо учиться справляться с подобными трудностями, а я не знаю, как... В её молодости подобного не было... Интернет и всё, что с ним связано, порой могут сломать всю твою жизнь, но правда в том, что я виновата во всём сама... Счастье любит тишину. Мне нужно было хранить эти воспоминания в памяти, а не фотографировать такое... Люди разные. Никогда не знаешь, кто воткнёт тебе нож в спину.

Максим так и не выходит на связь. И я думаю, он устал. Ведь тоже нервничал эти два дня и не сомкнул глаз. Поэтому я ложусь спать вновь, но уснуть мне удаётся только к полу-

ночи. А в четыре тридцать утра раздаётся громкая вибрация, напугав меня и выдернув из очередного странного сна.

«Ника, не приходи сегодня в школу», – поступает с его номера, и я хмурюсь. Я как раз не собираюсь прогуливать из-за них. Мне нужно учиться. А если перестану ходить, они будут думать, что окончательно сломали меня. Я звоню ему, но он недоступен. Так странно. Может у него сел телефон.

Я не могу сомкнуть глаз, особенно из-за того, что до него не дозвониться, а ближе к шести утра начинаю собираться в это злосчастное место. На душе так беспокойно. Может, он выпил... Может, спит... Или, может, его отец вернулся, не знаю.

Мама, как обычно, готовит мне завтрак, и я даже выпиваю кружку какао. Оно теперь всегда ассоциируется с моим первым поцелуем. С любимым человеком, который сломал все мои ранее закреплённые стереотипы о парнях и который показал, что значит быть любимой. Прошу маму сделать мне шишку на голове, сама не знаю, зачем, но чувствую себя увереннее, когда так выгляжу.

Мы вновь выходим вместе, как в старые добрые времена... Я держу её за руку, потому что волнуюсь. Страх парализует, особенно сейчас, когда впереди лишь одна неизвестность, а Максима нет рядом.

– Не бойся, он, наверное, отсыпается, – убеждает меня мама, и я киваю... Не хочу идти туда без него, но думаю, что должна это сделать. Секунды перед входом в это проклятое

место кажутся мне вечностью. Я уже ненавижу эти стены, эти коридоры и этих жестоких людей, что ежедневно ставят нам палки в колеса, издеваются и гнобят других... Но это жизнь, и такое случается. В школе порой как на курсе по выживанию. Здесь важно не сломаться и дойти до конца.

На первом уроке я то и дело рисую завитки на полях своей тетради. Леонид Валентинович объясняет нам что-то по термодинамике, но я снова витаю в облаках... Слышу странные звуки сверху... Не понимаю, что происходит, но затем по всей школе раздаются дикие крики и топот. Мы быстро хватаем сумки и выбегаем в коридор. Моё сердце стучит со скоростью света, и я вижу, что часть учеников во главе с Леонидом Валентиновичем закрываются в кабинете. Теряюсь от того, что не знаю, что мне делать. Дёргаю за ручки, но всё уже закрыто. Вижу Миру, она тоже не знает, куда бежать, потому что вокруг происходит настоящая паника. Кто-то кричит, что в школе террорист, и меня начинает трясти. Это то чувство, когда ранее изученное тобой место внезапно становится для тебя лабиринтом. Я всегда была слишком впечатлительна и при любых стрессовых ситуациях впадала в ступор, то же происходит и сейчас. Кто-то хватает меня под локоть и тащит к выходу, но как раз там в фойе я вижу двоих лежащих учеников, которые не шевелятся. Под ними столько крови, что мне становится плохо. Меня тошнит, и тут я понимаю, что это Перевалов и ещё один парень. Хаос охватывает всех, кто меня окружает. Я ещё никогда не видела

смерть так близко, и это жутко. Я закрываю рот рукой и бегу в другую сторону вместе с остальными, потому что ногами овладевает страх за свою жизнь. На стенах уже виднеются багровые разводы. Видимо, кто-то ранен. Когда толпа проталкивает меня дальше, я натываюсь на Григорьеву Лизку, которая зажимает кровавую рану на ноге руками и жмётся в угол за огромный цветок на полу. И, наверное, в любой другой ситуации я бы помогла ей, позабыв про старые обиды, но сейчас я даже не могу остановиться, ноги сами несут меня куда-то, видимо, это и есть инстинкт самосохранения вкупе с адреналином.

Я вновь слышу звуки, но теперь отчётливо понимаю, что это выстрелы. Один, другой. Крики становятся громче, а мои трясущиеся руки пытаются отыскать телефон прямо на бегу, чтобы позвонить Максиму. Глаза ищут его в мельтешащей толпе, и тут я понимаю, что все мы натываемся на стрелка. На моего Максима.

Наверное, в этот момент подо мной проваливается земля. Во рту в секунду появляется здоровенный ком. Я думаю о том, что у меня галлюцинации. Паранойя. Пытаюсь проснуться. Но это не сон. Он будто не видит меня, и наставляет пистолет... Тот самый пистолет, который я видела у него дома, в сторону Миры. Секунда, и я сама не понимаю, как прикрываю её своим телом и, а затем слышу звук... Яркий, сочный... Звонящий в ушах...

Наши с ним глаза встречаются, но тело моё уже не дер-

жится на ногах, потому что пуля попадает в область левого межреберья. Я падаю, а он замирает, всё ещё глядя мне в глаза, перед которыми проносится вся моя жизнь. Наше с ним знакомство, моя мама, наша общая боль. Мне так страшно, что я не могу шевелиться, или же я просто перестаю ощущать своё тело, пока не слышу:

– Прости, я люблю тебя... Господи, Ника... Я не хотел, прости меня...

Картинка отпечатывается в моём сознании. Его испуганные карие глаза, прощающиеся со мной, я хочу кричать, но не могу. Слышу только хрипы и понимаю, что начинаю задыхаться или давиться чем-то... Вкус и запах крови повсюду. Липкий страх окутывает внутренности. И в моих ушах звучит последний выстрел, который забирает его у меня. Это такая глупость... Одна чёртова глупость забирает его навсегда. Сквозь пелену в глазах я вижу Миру, которая бросается ко мне и просит прощения. Чувствую, как моя челюсть клацает. Это неуёмная дрожь, после которой я надеюсь больше не проснуться... Так я закрываю глаза прямо на холодном полу школьного коридора...

Спустя восемнадцать лет я до сих пор вспоминаю тот день. День, когда меня вытащили с того света, когда я открыла глаза в палате и поняла, что выжила. Я долго не могла говорить, потому что тело сковало. Внутри меня жил маленький сломанный ребенок. Мама держала меня за руку, а

я смотрела куда-то в пустоту и видела перед собой Максима. Я знала, что его нет. Я помнила, как он умер. Выстрелив себе прямо в голову, у него не было ни единого шанса. Я ни в чём его не винила. Скорее себя... И до сих пор виню себя, потому что не справилась. Нужно было вести себя иначе. Взять его за руку и сказать: «Мне плевать на трудности, плевать, что говорят, главное, что мы вместе».

Мама забрала меня из школы сразу после выписки... На похороны Максима меня привозили прямо из больницы, я сама просила, но из машины так и не вышла. Я просто сидела и смотрела из тонированного окна. На его отца... На учителей... На некоторых одноклассников... В том числе Володю Чемезова, который всегда был так добр к нам. Мои руки и ноги не слушались... Я плакала тогда и не помню, когда это прекратилось... Мира пыталась поговорить со мной уже после всего, но я не смогла. Я даже смотреть не могла в их сторону. И только спустя пятнадцать лет, случайно встретив Володю Чемезова в Москве, узнала, что она умерла в автомобильной аварии в двадцать пять лет. Так нельзя говорить, но Бог всё же расставил всё по своим местам. У неё не было детей, не было супруга, погибла она в одиночестве и ничего за собой не оставила, как бы печально это не звучало.

Мы сами переехали в Москву через месяц после случившегося в школе, вместе с Павлом, он бросил всё ради нас с мамой. Там я молча ходила в школу и почти ни с кем не общалась... Поступила в Московский государственный юриди-

ческий университет имени О.Е. Кутафина. И уже через три месяца я собралась с силами и вернулась в Питер, за Гердой. Мы тогда поговорили с отцом Максима... Впервые по душам. Ему было больно, мне было больно, от того понять друг друга было проще. Он отдал мне последнее воспоминание о своём сыне, потому что знал, как мы любили друг друга. Так она и прожила с нами, а потом переехала и ко мне в квартиру, умерев только два года назад. И я всегда думала, что покуда она жива, он рядом со мной... Мой мальчик с холодным сердцем, вот тебя и забрала у меня Снежная королева... Эдуард Андреевич также дал мне и адрес бабушки Максима. С тех пор я отправляла ей посылки вместо него... Да, это было не тем... И я не знала, получает ли она их, но просто делала это, потому что мне становилось хоть чуточку легче. У меня так и не осталось ни одной совместной фотографии с ним... Телефон мне не вернули, а те, что были в сети, быстро исчезли оттуда после инцидента в школе... Зато остался шрам, глядя на который я проживала всё заново.

Моя любовь к нему не прошла ни через год, ни через три... Доверия к людям не было, от слова совсем. Я проклинала пистолет, что лежал у них дома, проклинала себя за те фотографии, что сделала. Проклинала каждую свою слезу, что упала на его плечи, ведь именно ему пришлось нести за меня эту ношу. Я проклинала всех и вся за каждый день, проведенный без него. Но и то, кем он прослыл, приносило мне ужасную боль. Таков был мой крест за преступление,

что он совершил, за грех, что взял на душу. Я даже боялась подумать, что ощущали родители умерших ребят и что ощущал отец Максима после того, что он сделал... Меня до сих пор трясёт от одной мысли об этом.

Тем более, что три года назад я сама стала мамой... Родила от человека, которого не люблю, но это не имеет для меня значения. Мы с ним не вместе, я просто не смогла выстраивать отношения, потому что моя любовь лежит на двухметровой глубине Ново-Волковского кладбища. А иначе я не могу...

Мой сын – отражение моего Максима. Я не знаю, как так вышло, но когда я смотрю на него, я вижу своего любимого человека. Который не выдержал. Который сломался из-за меня и который не стерпел...

Всё это я вспоминаю как страшный сон. С тех пор не было ни дня, чтобы я не просыпалась в четыре тридцать утра... Я всё также жду его сообщения. Всё также надеюсь что-то исправить... Но в глубине души знаю, что это невозможно...

Спустя столько лет я думаю о том, что Максим был послан мне для того, чтобы познать настоящую любовь, ибо больше её я не встречала. Я познала многое. Боль отчаяния. Страх. Отрицание. Недоверие. Но несмотря на это до сих пор... Люблю его одного...

Скулшутинг – страшная боль и кошмар для всех, кто с ним сталкивается. Как и любой терроризм, которому нет оправдания. Выход есть всегда. Если бы я могла вернуть вре-

мя вспять, мы бы просто уехали оттуда, взявшись за руки. В другой город, в другую школу, в другую жизнь.

Иногда мне снится это. И порой он подходит ко мне, пока я наряжаю ёлку с сыном или готовлю завтрак, и шепчет мне на ухо: «Прости меня...Моя маленькая Клубника»...